

Т. И. Шевченко

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ

Сергий (Страгородский), архиепископ Финляндский и Выборгский — особенности архи- пастырского служения в политическом и социокультурном контекстах

Аннотация. Статья посвящена анализу «финляндского периода» архипастырского служения Сергия (Страгородского), будущего Патриарха Московского и всея Руси. Период охватывает 1905–1917 годы, на которые пришлось обострение российско-финляндских отношений. В финляндской историографии эти годы называют очередным периодом русификации (1908–1917), в отечественной — их отмечают попыткой финнизации и лютеранизации Российской Карелии. Образованная в 1892 году как викариатство Санкт-Петербургской епархии Выборгская и Финляндская епархия Православной Российской Церкви объединяла приходы Великого

княжества Финляндского, к которому относилась и Выборгская губерния (Старая Финляндия), присоединённая к Великому княжеству Александром I в 1811 году. В 1913 году в епархии было учреждено Сердобольское викариатство для карельских приходов. На долю архиепископа Сергия выпала задача противостояния «панфинской пропаганде» в Карелии и защиты интересов Русской Церкви в Великом княжестве, подавляющее большинство населения которого исповедовало лютеранство. Карелы населяли восточную часть Великого княжества Финляндского, Олонецкую и Беломорскую Карелию. Совместными усилиями церковных и губернских властей этих регионов удалось остановить процесс лютеренизации карел, направляемый финскими националистами. Однако политика владыки Сергия в Великом княжестве вызвала отторжение у местных элиты и церковных деятелей. Сложными были отношения Финляндского архипастыря и с российскими политиками. Во многом этому способствовало обострение финляндского и карельского вопросов. В статье проанализированы политический и социокультурный контексты архипастырского служения владыки Сергия, сделаны акценты на важных фактах его биографии, которые помогают понять логику принятых им решений, представлены предварительные выводы на основе обзора современной историографии вопроса, который до настоящего времени не пользовался достаточным вниманием отечественных исследователей.

Ключевые слова: архиепископ Финляндский и Выборгский, архиепископ Сергей (Страгородский), Выборгская и Финляндская епархия, финляндский вопрос, карельский вопрос, национальный вопрос, русификация, панфинская пропаганда, финнизация православия

Для цитирования: Шевченко Т. И. Сергей (Страгородский), архиепископ Финляндский и Выборгский — особенности архипастырского служения в политическом и социокультурном контекстах // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 128–173. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-128-173

В этом году исполняется 80 лет со дня кончины митрополита Сергия (Страгородского), Патриарха Московского и всея Руси (12 сентября 1943 — 15 мая 1944), возглавлявшего Православную Российскую Церковь в один из самых сложных и противоречивых периодов её истории. Потрясения этой эпохи оставили глубокий отпечаток как на образе самого приснопоминаемого Архипастыря, о личности и политике кото-

рого не утихают споры и поныне, так и на восприятии его деятельности. Как утверждают отечественные исследователи, «в истории Русской Православной Церкви XX столетия нет, пожалуй, более противоречивой и сложной личности, чем личность владыки Сергия (Страгородского)» (Фирсов 2002: 301–317). Как о самом Архипастыре, так и о его служении и взглядах к настоящему времени написано очень много¹, в том числе исследований о разных этапах его биографии. Однако «финляндский период» (6 октября 1905 — 10 августа 1917) остаётся, как правило, в стороне. Что не удивительно, дальнейшие события отечественной истории просто не могли не затмить его: революция, крушение Российской империи, Священный собор Православной Российской Церкви, избрание патриарха и долгожданное окончание синодальной эпохи, Гражданская война, обновленческий раскол, Декларация 1927 года, разрыв с РПЦЗ², чудовищные репрессии советской власти против Церкви и своего народа, «Большой террор» — в конце 1930-х годов планировался арест и самого Патриаршего Местоблюстителя — и, наконец, Великая Отечественная война, год до победного окончания которой Святейший Патриарх Сергий не дожил. Но ни у кого нет сомнений, что все молитвы и чаяния его, в первый день войны написавшего своё знаменитое «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», были о Родине, о народе, о Церкви, служению которой он и посвятил всю свою жизнь.

В публикации будут рассмотрены особенности служения архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского) в политическом и социокультурном контекстах того времени.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Финляндский период служения Архипастыря не менее интересен, чем остальные, в том числе для лучшего понимания его позднейших действий. Справедливо отмечает односторонность исследовательского подхода О. Ю. Васильева, которая пишет, что в огромном количестве работ о владыке Сергии «утверждение авторских выводов идёт в одном направлении: принимается всё, что указывает на отношения иерарха с властью, и отмечается всё, что объясняет причины этих контактов... Упрощенно и схематично толкуется личность самого иерарха» (Васильева 2002: 136–163).

¹ (Патриарх Сергий... 1947); (Одинцов 1999); (Хижий 2002: 120–130); (Фирсов 2005); (Титков 2007); (Одинцов 2013); (Иоанн Разумов 2013); (Патриарх Сергий... pro et contra 2017) и др.

² Русская Православная Церковь Заграницей.

Ранние периоды служения, японский и финляндский, стали своеобразной подготовкой к тому, что ожидало митрополита Сергия позднее. В некоторых статьях отмечается, что «самый сложный период в истории Финляндской епархии пришёлся» как раз «на время архиепископа Сергия (Страгородского)»³. Владыка занимал Финляндскую кафедру 12 лет, гораздо дольше, чем его предшественники — архиепископы Антоний (Вадковский) (1892–1898) и Николай (Налимов) (1899–1905) — и его преемник Серафим (Лукьянов) (1917–1923). В одной из современных статей о православии в Финляндии архиепископ Сергей назван «выдающимся архипастырем Финляндской и Выборгской епархии» (Данилов 2001: 294–300).

Собственно о финляндском периоде его биографии существует не так уж много работ⁴, и особенно тех, в которых авторы пытаются дать оценку его деятельности. Но есть немало исследований темы в контексте изучения «карельского» и «финляндского» вопросов в России⁵ и служения его соратников в Карелии⁶. Большой интерес вызывает тема у зарубежных исследователей, как правило, в связи с интересом к «национальному вопросу» в Российской империи накануне революции. Тема разрабатывалась и в Финляндии⁷, работы финляндских авторов публикуются и на русском языке. Как правило, если авторы касаются темы православия в Финляндии в начале XX века, они не могут обойти стороной и деятельности архиепископа Сергия⁸. Наиболее подробное описание финляндского периода его служения можно встретить у петербургского историка, доктора исторических наук В. И. Мусаева в его монографии о Православной Церкви в Финляндии (Мусаев 2014: 209–326). Автор основывает своё исследование

³ Образование самостоятельной Финляндской Выборгской епархии // Архивы Ленинградской области: ГКУ «ЛОГАВ» — URL: <https://archiveslo.ru/srv/eparchy/object/53725666> (дата обращения: 10.02.2024).

⁴ (Григорий Чуков 2002: 36–37); (Дворкин 1983); (Дунин 1986); (Кораблёв 2013: 162–167); (Одинцов 2013: 43–49, 69); (Мусаев 2013: 482–488); (Мусаев 2014: 209–326).

⁵ Историография этой темы слишком обширна, здесь упомянуты лишь некоторые исследования: (Ошеров, Сунд 1986); (Дубровская 1991: 55–64); (Соломещ 2001: 171–187); (Петухова 2022) и др.

⁶ (Дубровская 2000: 89–97); (Ходаковская 2009: 26–50); (Дубровская 2020: 62–75); (Александрова-Чукова Л. К. Двести лет рядом с Финляндией, или Русский дух православного Карельского братства // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. — 2011. — 21 марта. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/03/21/dvesti_let_ryadom_s_finlyandiej_ili_russkij_duh_pравoslavного_karelsкого_bratstva/ (дата обращения: 22.02.2024).

⁷ (Merikoski 1939); (Purmonen 1980: 117–128); (Hämynen 1993); (Hämynen 1995); (Karemaa 1998); (Kilpeläinen 2000); (Loima 2001); (Loima 2004: 93–198).

⁸ (Laitila 2004); (Лунтинен 2006: 60–72); (Витухновская 2006); (Витухновская-Кауппала, Осипов 2020) и др.

в том числе на документах Канцелярии Святейшего Синода (РГИА)⁹, куда поступали ежегодные отчёты по епархиям, и материалах Финляндского духовного управления и консистории из ЛОГАВ¹⁰, а также документах нескольких финляндских архивов и множественной прессе тех лет.

Можно отметить разную оценку этого периода отечественными и финляндскими историками. Финляндская сторона порицает насильственную «руссификацию» Великого княжества во время правления Николая II, а российская — возмущена «финнизацией» населения Русской Карелии. Если в начале XX века взгляды на «карело-финляндский вопрос» были кардинально противоположными — каждая сторона считала себя правой, то спустя столетие стала превалировать тенденция к слышанию друг друга и желанию понять. В обеих странах публикуются критические статьи исследователей из стран друг друга. Была сформулирована проблема приграничья как такового, и жизнь народов приграничных районов стала восприниматься не так упрощённо, как раньше, в категориях «свой-чужой», но многомерно, как обусловленная многими факторами.

Часть отечественных исследователей считает, что решение «финляндского вопроса» действительно требовало мер, но они были слишком жёсткими и привели к противоположным результатам, что было критической ошибкой: Россия, как более сильная сторона, могла бы решить вопрос и «без таких чрезвычайных мер»¹¹. Другая часть историков продолжает утверждать, что иначе поступить было нельзя, и поддерживает политику Николая II, настаивая, что эти меры не представляли собой ничего провокационного и были полностью оправданы. Одни исследователи считают имперскую политику в Великом княжестве неоправданно «жёсткой» (Петухова 2008: 64) и носившей «националистический оттенок» (Петухова 2008: 65) из-за стремления «поставить знак равенства между понятиями “русский”, “православный”, “самодержавный”», что почему-то, по их мнению, «ставило жирный крест» на «перспективе существования финнов как нации» (Петухова 2008: 65). Они видят ошибку в том, что «авторитет и ценности» православной религии «оставались мерилем трактовки политических и социально-экономических реалий» (Петухова

⁹ Российский Государственный исторический архив.

¹⁰ Ленинградский областной государственный архив в Выборге.

¹¹ Чирков А. А. Финляндский вопрос во внутренней политике России в 1894–1914 // Исторический портал «Московия»: Наследие предков — молодым — URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2009/1568-finlyandskij-vopros-vo-vnutrennej-politike-rossii-v-1894-1914-g> (дата размещения: 2009); (дата обращения: 01.02.2024).

2008: 61). Другие, наоборот, утверждают, что «противостояние империи и Финляндии носило в основном юридическо-правовой характер, а не силовой», и «связанные с религией вопросы не играли существенной роли в этом противостоянии» (Полунин 2023: 62), да и сам «финляндский вопрос» «вполне можно вписать в общий контекст национальной политики России на рубеже XIX–XX вв.» (Полунин 2023: 62). Некоторые отечественные исследователи, переехавшие в Финляндию, утверждают, что «финляндский вопрос» возник из-за того, что Великое княжество далеко обогнало метрополию в своём развитии, что и вызывало противостояние (Витухновская 2006: 338–339). Признают более эффективный тип устройства православного прихода в Великом княжестве и отечественные церковные историки (Беглов 2014: 107–132). Православный приход в Финляндии, устроенный по лютеранскому типу, оказался более жизнеспособным и интегрированным.

Финляндские исследователи зачастую продолжают отрицать наличие в начале XX века «панфинской пропаганды» в Карелии и считают тогдашнюю реакцию российской стороны преувеличенной и обусловленной либо личными амбициями исполнителей на местах, либо их желанием получить финансовую поддержку из центра, либо карьерными выгодами (Куяла 1998: 69), как в случае с премьером Столыпиным (Korros 1979: 133–134). Его, как и Николая II, называют ответственным за политику в отношении Великого княжества в 1906–1911 годах, когда произошло ужесточение «русификации». Столыпин «искренне верил в национальные цели своей политики, но одновременно... использовал русский национализм и централизм в окраинной политике в качестве средства завоевания популярности правительства и обретения им поддержки большинства Государственной Думы и Госсовета, от которых сильно зависел. Кроме того, для Столыпина национализм стал своеобразным утешением за неудачи в реформаторской деятельности. Поскольку после поражения на Дальнем Востоке... националистический порыв мог найти удовлетворение только в усилении центральной власти за счёт прав окраин» (Куяла 1998: 67), — пишет профессор исторического факультета Хельсинского университета А. Куяла. Знаменательно, прежде чем впасть в забвение, смертельно раненый Пётр Аркадьевич повторил несколько раз лишь слово «Финляндия»¹², словно исповедуя своё убеждение в исходившей оттуда опасности для России, которой верно служил.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 15; (Бок 1990: 342).

Зарубежные исследователи подозревают и самого Николая II в мелочности и интриганстве, полагая, что тот не мешал интригам, «когда ему представлялось, что деятельность конкретного премьера угрожает его авторитету как российского самодержца» (Куяла 1998: 67); (Hosking 1973); (Verner 1990). Финляндские историки полагают, что царя неверно информировала о настроениях финляндцев военная разведка и его дядя великий князь Николай Николаевич (мл.), командовавший столичным военным округом и бывший «решительным противником финляндского “сепаратизма”» (Куяла 1998: 67). А. Куяла пришёл к выводу, «что для российских властей финский вопрос, в сущности, был связан не столько с проблемой обеспечения безопасности северо-западных границ империи, сколько являлся инструментом их внутренней политики» (Куяла 1998: 72).

Отечественные исследователи не считают опасения императора и премьера безосновательными. Убедительно и аргументированно защищает политику Николая II в отношении Финляндии П. Мультиатули¹³, отмечая, что в начале конфликта отнюдь не вся национальная элита Великого княжества была настроена против России, однако постепенно сепаратистски настроенная шведская партия перетянула её на свою сторону. Не только правящая элита Финляндии превратно толковала действия царя, их не понимали даже самые близкие ему люди, например, мать Николая II, вдовствовавшая императрица Мария Фёдоровна (Кудрина 2000: 98).

Именно такие расхождения в понимании мотивов государственной политики России привели к обострению «финляндско-карельского» вопроса в начале XX века. В СМИ началась настоящая «газетная война» (Жабоедов-Господарец 2015: 152–155). Консервативная позиция российских правых СМИ, забивших тревогу из-за «панфинской» экспансии в православную Карелию, на взгляд финляндских историков, была выполнением «политического заказа» на «конструирование мифа о “про-русскости” карел» (Витухновская 2006: 318, 319). Православной Церкви, бывшей в Великом княжестве на положении негосударственной¹⁴ и приниженной, в глазах финнов также досталась незавидная роль проводника «русификации».

¹³ Мультиатули П. Финляндия — плацдарм революции 1905 г. // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. — 2009. — 27 апреля. — URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2009/04/27/finlyandiya-placdarm_revolyucii_1905_goda/ (дата обращения: 25.12.2023).

¹⁴ Основная, государственная, церковь в Великом княжестве была — Евангелическо-лютеранская церковь.

Несколько более сдержан в своих оценках Юрки Лойма, критикуя не только российскую, но и финляндскую сторону (Loima 2004: 93–198). И совсем по-доброму относится к деятельности любимого помощника архиепископа Сергия архимандрита Киприана (Шнитникова), которого в Финляндии называли «вторым Бобриковым» (Nätmunen 1995: 68–71), старейший священник Финляндской Православной Церкви прот. Вейкко Пурмонен (Пурмонен 2013: 39–44). Он глубоко почитает епископа Киприана, хотя и признаёт, что «публично владыку Киприана часто подвергали резкой критике за русификацию», но «простые люди весьма любили и уважали его», а руководство Церкви безусловно доверяло (Пурмонен 2013: 43). Прот. Вейкко не отрицает «русификацию» в Финляндской епархии при архиепископе Сергии, но считает, что в Карелии столкнулись «две нации и две религии» и «сформировали два противоположных течения церковной жизни», а «связь национального и религиозного начал — не была присуща исключительно» Русской Церкви, «в разное время и в других Православных Церквях национальная составляющая была подчёркнута довольно сильно... Так, например, прозелитизм финских лютеран в Карелии имел сильный национальный и патриотический отпечаток» (Пурмонен 2013: 44).

Деятельность самого архиепископа Сергия в «финляндский период» в отечественной историографии пока не получила однозначной оценки из-за малого числа исследований. Интересна общая оценка личности иерарха петербургским историком С. Л. Фирсовым. Он соглашается с Л. Толстым, что «великие люди всегда страшно противоречивы» (Голлербах 1976: 25), и противоречивость в личности и поступках патриарха Сергия на протяжении всей его жизни была «отражением... глубоких противоречий, в тисках которых более двух с половиной столетий... находилась Православная Российская Церковь» (Фирсов 2005: 18–19). Не вина Сергия, как архипастыря, что в синодальный период т. н. «византийская болезнь» «привила многим отечественным епископам взгляд на церковное служение как на государственную службу, где мистический элемент подавляется элементом практическим и где политическая целесообразность ценится если не выше, то, по крайней мере, наравне с «метафизической» церковной пользой». Классическим примером синодального иерарха, считает исследователь, придерживавшегося таких взглядов, можно считать и владыку Сергия (Фирсов 2005: 63).

Саймон Диксон¹⁵, исследовавший «финляндский период» служения архиепископа Сергия, называет его «осторожным церковным модер-

¹⁵ Профессор современной истории в Лидском университете Великобритании.

низатором» и критиком «бесплодной бюрократии», апологетом «церковности»: «И хотя он, конечно, не был епископским “деспотом”, он, несомненно, руководствовался возвышенным взглядом на епископскую власть, что не обошлось без последствий для его концепции епархиального управления» (Dixon 2004: 57–58). В целом, полагает профессор, политика Финляндского архиепископа была провальной, правда, виноват в этом, с его точки зрения, был общий курс Российского государства.

«КАРЕЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Обычно «финляндский» и «карельский» вопросы разделяют. Если говорить упрощённо, в дореволюционный период первый — это проблема интеграции Великого княжества в Российскую империю, в её законодательно-правовое и общественно-культурное поле, а второй — выбор карельским народом из приграничных регионов ориентации — на Россию либо на Финляндию.

М. А. Витухновская¹⁶ обстоятельно объясняет подоплёку возникновения «карельского вопроса» как в «имперском», так и в «финляндском» контекстах, явно симпатизируя последнему: «Карелы были одним из самых “благополучных”, с точки зрения имперских властей, народов России... никогда не претендовали на особенное к себе внимание. Они вошли в состав России... ещё в доимперский период... Имперское бытие карел на протяжении веков оставалось бесконфликтным. Обратной стороной бесконфликтности в отношениях было почти полное отсутствие взаимного интереса. Находящиеся на периферии государства... предоставленные самим себе, карелы жили своей жизнью, очень слабо связанной с жизнью метрополии... Карелами как отдельным и самобытным народом почти не интересовались» (Витухновская 2006: 13–15). А если и интересовались, считает историк, то преимущественно экономическими и хозяйственными вопросами, не соприкасаясь «с глубинами духовной жизни и сознания» карельского народа. Сформировавшаяся же к тому времени национальная элита Финляндия, наоборот, пишет автор, увлеклась «основанной на собранных в Российской Карелии рунах» (Витухновская 2006: 15) «Калевалой»¹⁷, вдохновилась произведением

¹⁶ Марина Александровна Витухновская-Кауппала — доктор философии, доцент Хельсинкского университета.

¹⁷ Первый, краткий вариант эпоса вышел в 1835 году, полный вариант впервые был опубликован в 1849 году. Полное название первого издания Калевалы было: «Калевала, или Старые руны Карелии о древних временах финского народа» (Витухновская 2006: 23).

Элиаса Лёнрота и «идеологически промаркировала» древнюю Карелию как «золотой век» финской истории (Витухновская 2006: 23). С тех пор Карелия для финнов не иначе как «irredenta» — «часть общекантонского «идеального Отечества»» (Витухновская 2006: 336). К слову — Лёнрот, обрабатывая сказания карельских рунопевцев, выбрасывал «христианские мотивы из фрагментов народных песен» (Мишин 1988: 125–126) и оставлял простонародные заговоры и заклинания (Киуру 1985: 71–72).

Огромную роль в возникновении «карельского вопроса» сыграл «финляндский вопрос». Рост национального самосознания всегда «заразителен», что и произошло в отношении финнов и карел (Витухновская 2006: 21). Впрочем, в то время так происходило по всей Европе, уточняет исследовательница из Хельсинки. Но «именно карелианизм стал важнейшей основой для формирования идеи Великой Финляндии» (Витухновская 2006: 25, 26). Получившая после вхождения в состав России (1809) массу привилегий от русского царя Финляндия развивалась и модернизировалась гораздо быстрее, чем метрополия. «В процессе решения “карельского вопроса” империя проиграла окраине, — считает Витухновская. — Огромная многонациональная держава, экономически и социально отстававшая не только от западных соседей, но даже и от входившей в её состав Финляндии, при этом напрягавшая все силы в подготовке к грядущей войне и раздираемая социальными и национальными противоречиями, была неспособна противопоставить финским экономическим, социальным и культурным достижениям более привлекательную модель... Ушедшая далеко вперёд по пути экономической модернизации окраина, — пишет автор о Финляндии, — становилась... “живым отрицанием Российской империи”» (Аврех 1968: 45) (Витухновская 2006: 338–339). Более того, «карельский вопрос» стал одним из первых «тревожных сигналов» для российской власти: «Экономически и социально несостоятельная, отстающая от собственных национальных регионов империя была обречена на проигрыш, сдачу позиций и, в перспективе, неминуемый распад», — выносит суровый, но спорный приговор исследовательница из Хельсинки (Витухновская 2006: 339).

ОБЗОР РАННЕЙ БИОГРАФИИ. «ПИСЬМА ЯПОНСКОГО МИССИОНЕРА»

В задачи статьи не входит описание подробной биографии Святейшего Патриарха Сергия, что уже сделано неоднократно другими авторами. Отметим только основные вехи раннего периода и важные для темы детали.

Иван Сергеевич Страгородский, будущий митрополит Сергей, родился в Арзамасе Нижегородской губернии 11 января 1867 года. В небольшом городке на 12 000 жителей было 17 храмов, четыре мужских и три женских монастыря (Титков 2007: 4). Происходил будущий патриарх из старинного священнического рода, несколько поколений его предков принадлежали к клиру, и он рос в глубоко воцерковлённой среде. В городе служили его отец и дед, его тётка Евгения была настоятельницей Никольского женского монастыря. Мальчик рано лишился матери, воспитывался при Алексеевском монастыре, напротив которого был их дом, монахини стали его первыми друзьями и наставницами (Георгиевский 2017: 133–134). Неудивительно, что владыка пронёс любовь к монашеству через всю свою жизнь. Современники воспринимали его как одного из идеологов «учёного монашества», более всего ценившего «чин ангельский» и «смотревшего на мир через призму иноческих идеалов» (Фирсов 2002: 301–317). Исследователи, упрощённо трактуя сей факт, порой упрекают его в чрезмерном покровительстве монашествующим в Духовной академии во времена ректорства.

Из приходского училища Иван Страгородский был переведён в Арзамасское духовное училище, закончил Нижегородскую духовную семинарию (1886) и Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1890). По окончании третьего курса академии он с товарищем, Яковом Ивановым, провёл лето в Валаамском монастыре и именно там принял решение стать монахом, что буквально потрясло сокурсников (Георгиевский 2017: 138–140). На четвёртом курсе, будучи 23 лет, 30 января 1890 года ректор Академии епископ Выборгский Антоний (Вадковский) постриг его в монашество с именем пр. Сергия Валаамского, а друга Якова — с именем Германа¹⁸. В том же году о. Сергей стал иеромонахом. С Валаамом впоследствии он был связан всю жизнь. Ему принадлежит и авторство замечательного акафиста преподобным Сергию и Герману Валаамским чудотворцам, до сих пор ежедневно читаемого братией перед ракой с мощами преподобных в Валаамском монастыре.

В 1890–1891 и 1897–1898 годах иеромонах, затем архимандрит Сергей служил в Православной духовной миссии в Японии, был

¹⁸ Герман (Иванов Яков Федорович, 1863–1903) — епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии (1898–1902).

помощником епископа Николая (Касаткина), равноапостольного основателя Японской Православной Церкви. Именно святитель Николай, наблюдая жизнь в Японии, предположил, что «гений народа вообще не может развиваться без взаимодействия других народов» (Избранные труды Святителя Николая. 2006: 34). Архимандрит Сергей оставил путевые заметки о Японии (Сергий Страгородский 1897). В них он выразил своё отношение к православной миссии, и оно во многом совпадало с мироощущением её равноапостольного Начальника. Так, например, молодой миссионер отмечал высокомерность протестантов по сравнению с католиками — протестанты гнушались хоронить обращённых ими японцев на своём кладбище, в отличие от католиков (Сергий Страгородский 1897: 190–191). Автор заметок глубоко сожалел о «замкнутости в рамках узкого национализма»: «Заботимся только о своих, забывая, что Господь пришел ко всем». Скорбел о том, что Академия не направляет выпускников проповедовать в другие страны: «Скажут, у нас средств нет. Правда, мы беднее каких-нибудь американцев. Но... ведь тратится же у нас миллион рублей... на одни церковные облачения... Тут причиной... холодность к вере, привязанность только к личному благополучию» (Сергий Страгородский 1897: 42). Он много писал о методах православной миссии и соглашался с Преосвященным Николаем о недопустимости в них «национализации» религии и подавления самобытности народа, навязывания своих обычаев, своего языка, принимал слова Наставника о том, что нельзя назвать учение Христа «русским или ещё каким-нибудь, оно Божие, пришедшее свыше и принадлежащее всем людям без различия страны и народа» (Сергий [Страгородский] 1899 — № 7: 412). Для болезненно патриотичных японцев особенно важным было, чтобы православие не ассоциировалось с Россией: «Особенно любят... [баптистские миссионеры] подзадоривать ложный патриотизм японцев: православие — русская вера, царь — глава их Церкви, и потому всякий, крещёный в православии, должен признать над собой главенство русского императора... Нужно знать, как японцы ревниво относятся ко всему, что касается их долга верности своему императору... Притом изо всех иностранных государств *более всего не любят здесь Россию*, которая в умах японцев является воплощением всего вообще враждебного отечеству» (Сергий [Страгородский] 1899 — № 8: 611).

Как всё это напоминает Финляндию! Хотя, безусловно, финляндцы не были язычниками, но их национальные приоритеты сильно влияли

на отношение к религии. Взгляды и мировосприятие будущего архиепископа Финляндского сформировались уже в ранние годы. И уже тогда он считал, что «никакая национальность не повредит проповеди» (Сергий Страгородский 1897: 192), а их миссия — чужда «всяких культурных и политических задач» (Сергий Страгородский 1897: 119). Исследователи, подтверждая «несомненный литургический консерватизм» отца Сергия (Дворкин 1995: 139–156), замечают и его открытость обстоятельствам: он, например, полагал, что начинающим христианам на богослужении было «гораздо поучительнее без иконостаса: они могут таким образом видеть совершение величайшего из таинств» (Сергий [Страгородский] 1899 — № 4: 635).

Изучив японский период жизни будущего архипастыря, можно понять, почему он был лучшим кандидатом на пост Финляндского архиепископа. Если назначение на эту отнюдь не спокойную кафедру¹⁹ считалось «доказательством исключительного расположения к архиерею светских властей» (Фирсов 2005: 26), то, скорее всего, потому, что они хорошо понимали — он действительно справится лучше всех.

Карьеру владыки Сергия считают блестящей. Нет возможности в рамках одной статьи упомянуть о его богословских трудах, о ректорстве в СПбДА (1901–1905). После хиротонии во епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии в 1901 году молодой епископ был назначен руководителем Синодальных комиссий по диалогу с римско-католической церковью и старокатоликами. Большую известность ему принесло участие в дискуссиях с интеллигентами-богоискателями на Религиозно-философских собраниях в Петербурге (1901–1903)²⁰. За болезнью или отсутствием митрополита епископ Сергей три раза (в 1903, 1904 и 1905 годах) временно управлял Петербургской епархией (Новый архиепископ финляндский Сергей. 1905: 1323). То, что спустя всего 11 лет после пострига и окончания Академии он был назначен её ректором, а в 34 года (что нечасто случалось в синодальный период) был хиротонисан во епископа, «говорит о недюжинных способностях Сергия, о его энергии, воле и уме» (Фирсов 2005: 22). Умение «ладить»

¹⁹ За год до этого шведским дворянином, сыном генерала русской службы, на ступеньках здания Финляндского сейма демонстративно и жестоко был смертельно ранен генерал-губернатор Бобриков. Шла Русско-японская война 1904–1905 годов. Увидев, что Россия «дала слабину», националисты в Финляндии подняли голову.

²⁰ После 22-го заседания собрания были прекращены по личному распоряжению обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева.

со всеми, от митрополита Антония (Вадковского) до обер-прокурора Победоносцева, послужившее такому быстрому карьерному взлёту, порой подаётся как «карьеризм»: «Есть все основания предполагать, что молодой епископ прекрасно разбирался во всех тонкостях “церковной политики”, понимал, где и что необходимо сказать, с кем и почему стоит иметь хорошие отношения, а с кем — не стоит. Всё это сочеталось у архим. Сергия с искренней, почти детской верой, глубочайшей религиозностью и убеждением в необходимости проведения давно назревших церковных преобразований» (Фирсов 2005: 23). Или даже так: «Сергий всей своей карьерой доказал, что он весьма прагматичен и “политичен”. Именно это обстоятельство... явилось залогом столь успешной его карьеры. Он прекрасно разбирался в направлении политических “ветров”, что... и позволило ему... подниматься по ступеням церковно-административной лестницы» (Фирсов 2005: 25–26).

Но почему бы не предположить, что с детства любивший монашество иеромонах, архимандрит, епископ и т. д. Сергей старался творить заповеданную святыми отцами всем инокам Иисусову молитву, которая требует быть в нахождении мира со всеми окружающими. «Умное делание» — основа духовной жизни инока. «Учёные монахи» петербургской духовной школы, посещавшие в каникулы Валаамский монастырь, имели возможность близко познакомиться с этой «духовной наукой». Но то, что епископ Сергей был «блестящим администратором», человеком «целеустремлённым и сильным», умевшим «избегать крайностей “правого” и “левого” толков», «прекрасно образованным богословом, человеком эрудированным и начитанным» (Фирсов 2005: 27–28), — не отрицал никто.

НОВЫЙ ФИНЛЯНДСКИЙ АРХИЕПИСКОП. МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

«Нам кажется, что вопрос о свободе совести принципиально решается легко, но практически решится только тогда, когда у нас жизнь пойдёт не на запад, а на восток» (Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. 2005: 125–129), — говорил владыка Сергей в беседах с интеллигентами-богоискателями в начале XX века. Советские исследователи называли Великое княжество Финляндское «островком буржуазной демократии западноевропейского типа» (Холодковский 1967: 3). Революция в России 1905 года, Высочайший Манифест 17 октября об усовершенствовании государственного порядка отразились и на Финляндии, где

после всеобщей забастовки имперские власти вынуждены были пойти на уступки, отменив прежние ограничения автономии. Началась либерализация общественно-политической жизни во всей стране, включая и Финляндию. Новые реформы разрешали выход из православия и запрещали преследовать за смену конфессии. Уже в 1905 году в Великом княжестве 200 православных финнов перешли в лютеранство (Laasonen 1972: 107). Тем не менее опасения относительно повального бегства из православия всё же не оправдались (Мусаев 2014: 193–194). Согласно сведениям годовых епархиальных отчётов, в 1906 и 1907 годах был зарегистрирован 1551 случай (в 1906 году — 1235 человек; в 1907 году — 316 человек)²¹. Основными причинами назывались «семейное влияние со стороны ближайших родственников — лютеран, а также влияние вообще лютеранской среды и распространяемый среди православных финнов взгляд, что народная вера в Финляндии есть лютеранская вера и настоящим финским гражданином может быть только лютеранин»²². Одним из важных следствий нового закона о веротерпимости стала активизация финской лютеранской миссии в Карелии. Тогда же в российской печати появился термин «панфинская пропаганда».

Справедливости ради стоит признать: архиепископ Сергей не отрицал вины России в возникновении «карельского вопроса». На церемонии открытия Православного Карельского Георгиевского братства в Видлице (26–27 ноября 1907 года) он сказал: «К стыду нашему нельзя не признать, что не по нашей инициативе началось это важное дело. Мы были разбужены народом другой веры, устремившимся сюда, чтобы оторвать карел от России и православной веры... Как проявляется это нашествие — приходили ли и придут ли вновь сюда пропагандисты (мы знаем, что они приходили), неважно. А важно то, что волна финской культуры, стремящаяся поглотить в себе родной нам по вере народ, лишит его самого дорогого достояния его, постепенно надвигается на русскую Карелию... Финны идут на нас замечательно согласно, нога в ногу, систематически, планомерно и упорно добиваясь своих целей. Таким соединённым силам врагов России и карел нужно противопоставить также объединённые силы. Грех будет нам, если мы отдадим этих, детски преданных нашей общей матери — России, сынов на расхищение врагам нашей веры и культуры, — нужно оградить карел от этого нашествия. Мы, русские, обязаны

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2185. Л. 30; Д. 2248. Л. 21.

²² Там же. Д. 2185. Л. 30.

это сделать в ответ на трогательную приверженность карел к православию и к России»²³.

Условно управлять епархией владыка Сергей начал с 13 апреля 1905 года в качестве временного управляющего после отъезда прежнего архиепископа Финляндского Николая в Тверь, т. е. ещё до своего официального назначения, которое последовало 6 октября 1905 года. Назначению предшествовала некая интрига, поскольку изначально, в марте, Синод избрал на эту кафедру епископа Американского Тихона (Беллавина), будущего патриарха, но вмешательством обер-прокурора Победоносцева решение Синода было изменено (Антоний [Храповицкий] 1912: 13).

К началу XX века в Выборгской и Финляндской епархии действовало 69 православных церквей (из них три соборных, 19 при монастырях, одна при женской обители, 26 приходских, одна при казённом заведении, три домовых, три кладбищенских, девять приписных, три походных, одна бесприходная в Таммерфорсе) — 31 каменная и 35 деревянных; 89 часовен — 75 деревянных и 14 каменных²⁴. Кроме церквей епархиального ведомства, на территории Финляндии насчитывалось семь православных храмов русского военного ведомства²⁵. По численности епархия считалась самой маленькой в России, около 50 тыс. человек паствы.

В 1905–1906 годах Преосвященный Сергей, как и все прочие архиереи, представил свой отзыв в Свт. Синод по вопросу о церковной реформе (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 413–442). Как и подавляющее большинство архиереев, он высказался за созыв Собора и избрание патриарха. Как отмечают исследователи, «составляя свой отзыв, он шёл много дальше своих собратьев-архиереев, часто предлагая нестандартные решения самых сложных церковных проблем» (Фирсов 2005: 30–31). Например, предлагал провести Собор не в столице, а в Новгороде, ограничить функции Синода и назначить высшим церковным органом Поместный Собор, который собирался бы как можно чаще, был сторонником выборности духовенства и децентрализации церковного управления, противником архиерейского абсолютизма и др. «Считая сословность одним из бичей духовной жизни, архиепископ предлагал решительно отказаться от мысли считать духовенство особой, отдельной от мирян, корпорацией» (Фирсов 2005: 36). Считал, что в Соборе могут участвовать

²³ Финляндская газета. — 1908. — 3 (16) июля; (Мусаев 2014: 249).

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 422. Д. 1874. Л. 10 об. 11.

²⁵ Свет. — 1895. — 28 марта; (Мусаев 2014: 88).

делегаты клирики и миряне (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 442). И про патриарха: «Патриарх наш не будет ни папою, ни даже патриархом в византийском смысле; он будет лишь председателем Синода... лишь первый между равными и потому пользуется обычными нравственными правами старшего брата: правом братских советов, предостережений или увещаний» (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 442). Также владыка предоставил переданный ему отзыв причта Выборгского кафедрального собора, который иногда приписывают ему, но он подчёркивал, что «не входил в оценку» высказанных в нём предложений (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 594). А там предлагалось предоставить «духовенству права на окраинах империи, где православных меньшинство, *носить светскую одежду* во избежание неприятностей»; предоставить «право вдовым священнослужителям вступать во второй брак, если овдовели до 45 лет»; предоставить право «каждой епархии избирать себе епископа, причём епископами» могли бы быть и «лица белого духовенства без принятия монашеского сана, например, овдовевшие иереи или оставившие своих жён по добровольному с ними соглашению»; предложение, чтобы «монашествующие проживали вне городов и чтобы монастыри более обращали внимания на свою благотворительно-просветительную деятельность: открывали бы школы, больницы, богадельни, рабочие дома и т. д.» (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 598).

Словом, настрой нового архиепископа вполне отвечал чаяниям либеров финляндского православного клира, которые были осуществлены после отделения Великого княжества от России. Новый архиепископ имел репутацию «либерала». «Нельзя забывать, — писал в вышеупомянутом отзыве владыка, — что мы живем теперь при старом режиме и ожидаем открытия в нашей Церкви новой жизни, и... мы не можем представить себе эту будущую жизнь настолько хорошо и верно, чтобы быть в состоянии... создать для неё вполне подходящую форму... Мы можем лишь навяжать Церкви новый бюрократизм, тягчайший настоящего. Форму себе пусть создаст сама жизнь, мы же теперь должны только убрать препятствия... и открыть для жизни возможность свободного развития. Пусть наша Церковь начнёт жить при новых порядках; на опыте виднее будет, как лучше устроить ту или другую сторону» (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 415). Не настаивал он и на необходимости монашеского пострига перед хиротонией, предлагая в случае нужды ограничиться рясофором (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 420). После революции в России финляндское православное правление пойдёт дальше — первые

местные епископы будут хиротонисаны по константинопольской традиции, без пострига в рясофор.

Приходская структура Финляндской епархии приобрела чёткие очертания к 1898 году и складывалась из четырёх благочиний. 1-й округ — наиболее «благочестивые» приходы Южной и Западной Финляндии, значительную роль в них играли состоятельные русские горожане с финляндским гражданством. Духовенство здесь состояло в основном на содержании Финляндского сената (Яровой, Смирнова 1997: 61, 65).

Второе благочиние объединяло православные приходы Карельского перешейка, где окормлялись петербургские дачники и русские землевладельцы. Они пользовались земельными привилегиями, дарованными императором. Это был уголок русской культуры. Финский исследователь Й. Лойма даже высказал мысль, что в своё время Финляндская епархия была учреждена именно с целью обеспечения нужд разросшейся «дачной популяции» и создания «сторожевой башни» на границе с иноконфессиональным Западом (Loima 2004: 124). Духовенство здесь содержалось на средства российского правительства, кроме причтов Кексгольма и Вильманстранда.

Третье и 4-е благочиния, самые многочисленные, состояли из карельских приходов на Востоке Великого княжества, в Салминском уезде Выборгской губернии, которые были «двуязычными». Службы здесь совершались на церковнославянском и финском языках. Приходы 3-го благочиния наиболее были подвержены лютеранскому влиянию, в финансовом отношении духовенство их зависело от местного Сената. А причты 4-го получали дотации от Синода. Основной доход все получали в виде установленного Финляндским сенатом налога с прихожан и платы за требы.

Наиболее «олютеранившимися» считались приходы 1-го и 3-го благочиний, содержавшиеся Финляндским сенатом (Яровой, Смирнова 1997: 65–66). Российское правительство поддерживало русскоязычные приходы. В начале 1880-х у духовенства карельских приходов возникло стремление к консолидации, и в 1884 году они организовали Карельское братство прпп. Сергия и Германа Валаамских, которое существует в Финляндии и поныне. Оно осуществляло просветительскую работу на финском языке. Члены братства считали, что непонятный для большинства финляндских карелов русский язык стал причиной «ослабления влияния церкви на паству... упадка веры и забвения обычаев» (Яровой, Смирнова 1997: 68), и карелы стали посещать кирхи, против чего боролось братство. Братству

покровительствовал архиепископ Антоний (Вадковский). Его работу возглавлял протоиерей Сергей (Окулов), ставший создателем церковного финского языка, как переводчик богослужебной литературы и катехизиса. Впоследствии он стал одним из лидеров национального движения в Финляндской Православной Церкви.

Ещё до официального назначения владыка Сергей объехал несколько финляндских приходов и прибыл в Гельсингфорс. Он служил в Успенском соборе 14–15 августа 1905 года и сказал речь по поводу манифеста о созыве Государственной думы. В ней он выразил надежду, что объявленная правительственная реформа послужит благу народа²⁶. В статусе временно управляющего владыка Сергей руководил первым епархиальным съездом на Валааме летом 1905 года. Съезд собрал более 100 участников, в их числе были 21 священник, несколько псаломщиков, несколько десятков школьных учителей и мирян. На съезде обсуждался вопрос о переводе православных учительских курсов из лютеранского Сердоболя в православный Выборг, но средств на это не хватало²⁷. Обсуждали вопросы внутренней миссии, о развитии в приходах церковного пения, о подготовке псаломщиков, а также вопрос о языке богослужения: «Решили... всюду, где просят богослужения по-фински, не отказывать... Но, с другой стороны, рекомендована была осторожность... в некоторых местах, преимущественно в Карелии, в местностях, смежных с империей, народ так привык к славянскому богослужению, что лишать его этого значило бы произвести сильное смущение и соблазн»²⁸.

Вопрос о языке был самым острым. Первые годы архиепископ Сергей придерживался принципов системы Ильминского. Помощник архиепископа иеромонах Киприан (Шнитников) писал в серии статей «О будущем православия в Финляндии»: «Отрицательно относиться к желанию наших прихожан иметь финскую службу... было бы самой... недальновидной политикой... Славянское богослужение... полезно для тех карел, которые постепенно делаются русскими и которые и без того достаточно ограждены от лютеранства полным к нему отвращением. Для... тех, которые захвачены волной офинения, отказ в финском богослужении послужит лишь... толчком вон из церкви; славянское богослужение для таких не только не полезно, но и прямо вредно» (Киприан [Шнитников]

²⁶ Финляндская газета. — 1905. — 17 (30) августа.

²⁷ Съезд духовенства финляндской епархии // Церковный вестник. — 1905. — № 33. — С. 1039.

²⁸ Там же. — № 34. — С. 1067.

1906: 2831). Архиепископ Сергей полагал, что и в русской Беломорской Карелии не стоит запрещать финский язык в школах и храмах, потому что, не находя православных книг на понятном им языке, карелы станут покупать лютеранские книги на финском и ходить в нелегальные финские школы со враждой ко всему русскому (Витухновская 2006: 134). В печати архипастырь подчёркивал, что ни карельский, ни русский, ни финский языки не могут быть самоцелью, но служат лишь средствами проповеди о Христе и спасении²⁹.

Однако вопрос осложнялся тем, что даже в одном приходе порой прихожане не могли договориться между собой. Наиболее громкая история случилась в пограничном Салминском приходе. Молодёжь требовала финской службы, старшее поколение — церковнославянской³⁰, конфликт выплеснулся на страницы газеты «Утренняя заря», редактором которой был протоиерей Сергей Окулов. Он занял профинскую позицию, но владыка Сергей не поддержал его, пояснив, что в простом народе сильна привязанность к укладу, «православному быту», к традициям, хранение которых «прикрепляет людей к вере и церкви и о которую могут разбиться всякие посторонние пропаганды» (Витухновская 2006: 135–136). Финляндские исследователи считают такую позицию, превозносившую бытовую привычку над осознанностью, практически маргинальной: «Иерархи понимали, что стоит начать “очищение” православия, его модернизацию — как всё здание православной церкви начнёт качаться. Вопросы языка, веры и “русскости” оказывались неразрывно связанными с вопросами цельности и сохранности православия, и, осознавая это, руководители Финляндской епархии зачастую проявляли нерешительность и непоследовательность в решении “карельского вопроса”, как в Финляндии, так и в России» (Витухновская 2006: 135–136).

Однако почему бы не заметить здесь обычную разность менталитетов — западного и восточного. Культ разума всегда был неприемлем на востоке. Архиепископ лишь бережно относился к совести прихожан. Сам он по прибытии сразу же начал учить финский язык, как когда-то японский по прибытии в Японию. Он благословил читать Евангелия на богослужениях на двух языках, вести проповедь по-фински, некоторые молитвословия и ектеньи священники могли по своему усмотрению произносить

²⁹ Финляндская газета. — 1907. — № 93. — С. 1.

³⁰ Архиепископ Сергей благословил по воскресным и праздничным дням служить две литургии — одну по-церковнославянски, другую по-фински. См.: Прибавление к Церковным ведомостям. — 1906. — № 43. — С. 2831.

по-фински (Одинцов 2013: 44, 48). Также освоил финский и карельский языки ближайший помощник архиепископа иеромонах Киприан (Шнитников).

Как отмечают исследователи, в первые годы архиепископ Сергей «сохранял свой либеральный настрой» и не разделял характерного для правых «негативного отношения к финнизации православия» (Мусаев 2013: 485). У него установились дружественные отношения со сторонниками финнизации внутри епархии. Дипломатию владыки критиковала газета «Окраины России», полагая, будто архиепископ поддался «чухноманскому» влиянию³¹. Однако стремление местного клира к финнизации увеличивалось лавинообразно. На следующем епархиальном съезде летом 1906 года обсуждались меры по предотвращению отпадений от православия, в качестве каковых было предложено обеспечить владение священников финским языком, издавать религиозную литературу на финском, разрешить священникам носить светскую одежду, поднять народное образование, улучшить работу библиотеки, ходатайствовать на будущем Всероссийском Соборе о праздновании церковных праздников по григорианскому календарю, и если проект будет отклонен, просить ввести новый стиль только в Финляндской епархии и др. Съезд не одобрил предложение сократить богослужения, но архиепископ Сергей позднее разрешил «некоторые сокращения» по усмотрению настоятелей. Он отрицательно отнёсся «к предложениям прекратить молитвы за умерших, устранить из молитв обращение к святым и отменить обязательность ежегодной исповеди и евхаристии, после чего съезд решил не обсуждать эти вопросы. Большинством голосов также было отклонено предложение ввести скамейки в церквях (как у протестантов и католиков)» (Мусаев 2014: 220–221).

Зарубежные историки особенно критикуют решение архиепископа применять «моральное воздействие на нестойких членов паствы» (Мусаев 2014: 222). Он распорядился «при всяком удобном случае разъяснять православным, что переход в лютеранство» это грех «попрания обетов Св. Крещения и измена Христу и Св. Церкви, лишаящая отступника благодати Божией и вечного спасения, что совершающие этот грех сами себя подвергают церковному отлучению»³². Духовенство должно было представлять списки прихожан, не бывших у исповеди и причастия более года, и отчитываться о своих мерах противодействия (Dixon 2004: 60).

³¹ Окраины России. — 1907. — 24 марта; (Мусаев 2013: 485).

³² ЛОГАВ. Ф. 388. Оп. 1. Д. 3. Л. 20; (Мусаев 2014: 222).

С. Диксон полагает, что, несмотря на сокращение числа отпадений от православия, архиепископ Сергей продолжал вести неоправданно строгую политику, способствующую появлению паникерства в клире. Архиепископ был убеждён, что лютеранское духовенство незаконно (а иногда и насильственно) обращает целые семьи, и напрягал все силы, чтобы помешать им, в том числе через суд, но местное законодательство стояло на стороне пасторов. Много внимания в своей статье профессор из Великобритании уделяет т. н. «анафемам» для отпавших от православия, которые распорядился ввести архиепископ Сергей, чтобы, по словам Диксона, «попытаться превратить стыд, который испытывали православные, покинувшие свою церковь, в публичное унижение». Именно так воспринимает эти действия толерантная Европа. «Анафемы», «акты об отлучении», должны были прикалываться к дверям в храм на всеобщее обозрение. Впрочем, подобные действия проводились не только в Финляндии и, по мнению профессора, свидетельствовали об исчерпании средств противодействия процессу (Dixon 2004: 60–65). С ним трудно не согласиться, протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский вспоминал, что после Февральской революции 1917 года отмена обязательного причастия привела к тому, что 90% военнослужащих перестали посещать литургию.

Практика «анафем» вызвала критику и в России. «Генерал-губернаторская канцелярия особо обратила внимание на сообщение в “Новом времени”, которое выявило в “высших научных богословских кругах” мнение, что отступничество Толстого по своему характеру отличалось от обращения в лютеранство... Одно представляло собой полный отказ от христианства, другое — переход между христианскими конфессиями» (Dixon 2004: 66).

Не меньшей критике С. Диксон подвергает политику архиепископа в отношении смешанных и ранних браков, которые, как известно, были одной из главных причин «олутеранивания» православных. Гельсингфорсское духовенство сообщало в 1907 году, что «даже чисто русские люди, городские рабочие, большей частью женятся на лютеранских девушках». В 1-м округе, например, таких браков было девятнадцать из тридцати одного (Dixon 2004: 66–68). Архиепископ предложил запретить браки между православными и перешедшими в другую конфессию и призвал не совершать смешанные браки без прямого разрешения епископа³³ (Dixon 2004: 68–69).

³³ Подобные предложения были высказаны и на Киевском миссионерском съезде 1908 года.

Ужесточение епархиальной политики исследователи связывают с «изменением политического курса» на финляндской окраине — в 1909–1910 годах Россия приняла повторные меры по ограничению автономии Великого княжества. Но также повлияло и обострение противостояния между сторонниками «прорусского» и «профинского» направлений внутри епархии и активизация борьбы с «панфинской» пропагандой в Русской Карелии (Мусаев 2013: 485). В епархиальной политике архиепископа Сергия стали всё более явно проявляться «консервативно-охранительные тенденции» (Мусаев 2013: 486).

Из сторонников финского направления в 1905–1906 годах при содействии кадетской партии, поддерживавшей сепаратизм Финляндии, был организован Союз Беломорских карел. Первый его съезд прошёл в декабре 1905 года в Ухте Архангельской губернии, затем были съезды в Финляндии (апрель, август 1906). С 1906 года в Союзе состояло более 600 членов, из них постоянно проживали в Финляндском княжестве около 500 человек. Союз ратовал за объединение карельского и финского родственных народов, карел в Олонецкой и Архангельской губерниях и за улучшение их материального положения. Деятельность Союза была отрицательно воспринята в правительстве. П. А. Столыпин потребовал закрыть организацию, но её деятельность была прекращена только в 1911 году.

В 1907 году, при активной поддержке Олонецкого губернатора Н. В. Протасьева, архиепископом Сергием было учреждено Карельское Православное братство во имя великомученика и Победоносца Георгия, активно привлекавшее местные земства. Его основной задачей было «содействие укреплению и преуспеянию православно-русских начал среди карельского населения Финляндской, Архангельской и Олонецкой губерний»³⁴. Объединение просветительских усилий трёх регионов должно было противостоять «панфинской пропаганде», с одной стороны, и создавать предпосылки духовного единства карел, с другой. Однако добиться единства получилось не сразу. Возникли разногласия с епархиями. Тем не менее патриотический порыв был очень сильным. Выдающийся вклад в деятельность братства внёс помощник архиепископа Сергия архимандрит Киприан (Шнитников), возглавивший главный совет братства. Они были друзьями ещё с Академии, со времён ректорства владыки Сергия. В 1913 году при его содействии в епархии было открыто Сердобольское викариатство, во главе с епископом Киприаном.

³⁴ Прибавление к «Церковным ведомостям». — 1907 — № 48. — С. 21, 46.

Финляндский историк Витухновская считает, что изначально и Союз, и братство создавались с одной целью — содействовать православному просвещению карел, улучшению их образования и материального положения. Организации даже использовали одинаковые методы работы — переводы на местные языки Священного Писания, создание библиотек, школ и курсов учителей, материальная помощь и пр. Но современник событий митрополит Григорий, тогда протоиерей Николай (Чуков), возглавлявший Олонецкое отделение Карельского братства, считал, что Союз Беломорских карел лишь «маскировал» свою «действительную детальность»: «Появилось... воззвание к пограничным жителям, ...уверяющее в несостоятельности русского правительства после революции [1905] произвести нужные реформы и приглашающее сочувствовать всем стремлениям заграничных карел, оказывать им материальную помощь, всячески содействовать улучшению их жизни и благосостояния, особенно же помогать в школьном деле, ... старавшееся показать им превосходство условий общественной жизни в Финляндии. ... стараясь ... втолковать карелам, что они не русские, а финны, что родина их в Финляндии, а в России они в плену, что их мать та же Финляндия, а Россия злая мачеха, посылающая в Карелию кровопийц чиновников, развратных учителей и пьяных священников» (Чуков 1909).

Статистика свидетельствовала об уменьшении численности православных в Финляндии. Если в 1904 году в Великом княжестве проживало лютеран — 2 млн. 803 тыс. человек, православных (в основном карел) — 49 тыс. человек (Рожков 2004: 15), то в 1911 году православных было уже 46 тыс. человек, в думе докладывали, как в Гельсингфорсе из 15 священнослужителей 12 были публично оплёваны³⁵.

Одним из примечательных событий периода правления архиепископа Сергия стала его приветственная речь в Гельсингфорском соборе новому Финляндскому генерал-губернатору Ф. А. Зейну 21 ноября 1909 года. В ней он напомнил, что до Фридрихсгамского мира Финляндия была «почти ничем», а финский народ «был племенем без будущего», присоединением к России он получил единство и путь к историческому существованию: «Только благодаря беспримерному великодушию России [Финляндия] так развилась за истекшие сто лет, что именно Россия своим великодушием, потом и кровью своих сынов, иногда и их скудными грошами, дала жизнь и процветание Финляндии». Напомнил, что Россия отдала финскому народу и своё исконное достояние — Карелию: «Не

³⁵ Олонецкая неделя. — 1911. — № 31. — С. 2.

о земле, конечно, я жалею; потому что земли у России и без того много; я говорю о народе карельском. Целые века этот народ жил с русскими одной жизнью, имел с ними одну веру», одного царя. Архипастырь говорил о неоправдавшейся надежде, что Финляндия «не испортит этого народа», оставит «в прежней вере, воспитает его в прежней преданности России... любви к русскому Царю». Владыка заявлял, что любой финн, не отрекаясь от своего народа, мог бы «горячо и искренне любить» Россию и служить её благу и процветанию. Он призывал нового губернатора не смущаться «воплями противников», идти «смело и открыто» русским путём, говорил, что этот путь «отнюдь не враждебен и Финляндии», наоборот, «все истинные сыны Финляндии... сознают, как неблагодарно и низко кусать руку питающую». Владыка просил защиты для паствы: «Я, пастырь карельского народа, единоверного русскому Царю, ... прошу у Вас для неё защиты, чтобы она могла жить, как хочет, жить той верой и теми идеалами, которыми она жила от века... Я прошу Вас защитить православных карел, чтобы насильно (именно насильно) их, под предлогом закона, не тянули на путь, совершенно им чужой, даже противный им; чтобы за чечевичную похлёбку внешней цивилизации, земного благополучия и внешнего благоустройства... не окрадывали самой души народной, не отнимали у них того, что для них есть самое дорогое и святое, чем они до сих пор жили и чем хотят жить потом, — его веры православной, его любви к православной Руси, его преданности православному русскому Царю»³⁶.

В финляндских газетах речь была истолкована как призыв к «священной войне», демонстрировавший «вражду к цивилизации»: «Русский архиепископ... затрубил в боевую трубу»³⁷. Однако в отечественных «Церковных ведомостях» назвали такую реакцию совершенно напрасной, а речь архиепископа Сергея «вполне корректной», проявившей вполне понятную и естественную заботу о своих пасомых, а то, что забота была «не лишней», свидетельствовал поднятый шум³⁸.

Деятельность Георгиевского братства с этих пор стала больше ориентироваться на карельский язык в противовес финскому. По предложению архиепископа Сергея при Свт. Синоде была учреждена должность синодального Карельского миссионера, которым стал архимандрит Киприан, и две должности миссионеров для Финляндской и Олонецкой епархий (ими

³⁶ Цит. по: Речь высокопреосвященнейшего Сергея, архиепископа Финляндского и Выборгского, и финляндская печать // Прибавление к «Церковным ведомостям». — 1910. — № 1. — С. 5–7.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 8.

стали два инок Валаамского монастыря). Был создан особый денежный фонд, специальный курс для катехизаторов, предоставлялись средства на украшение бедных церквей и часовен, на обеспечение их богослужебной литературой и предметами церковной утвари, на строительство храмов. Земства помогали с открытием медицинских пунктов, материальной помощью, постройкой дорог, увеличением жалования духовенству. Отделения Георгиевского братства были открыты в Петрозаводске, Пудоже, Повенце, Вытегре, Каргополе, Лодейном Поле, Олонце, в с. Вознесенье. Братство проводило съезды духовенства и православных деятелей. По инициативе архиепископа Сергия созывались съезды самих архипастырей трёх соседних епархий — Олонецкой, Архангельской и Финляндской. В местные отделения братства была привлечена интеллигенция, включая городское духовенство и лиц из администрации. Архиепископ жертвовал из личных средств значительные суммы на строительство и ремонт церквей. Если на момент вступления в должность владыки в 1905 году в Финляндской епархии числилось 78 церквей, то в 1914 году уже 98 (Мусаев 2013: 485). Нет никаких сомнений, что в результате деятельности братства удалось поднять епархиальную жизнь на новый уровень и остановить лютеранский натиск на Карелию.

Настоящим ударом для архиепископа Сергия и карельского дела стала преждевременная кончина его главного помощника епископа Киприана (Шнитникова) в 1914 году, после чего последовал стремительный «обвал» просветительской миссии (Ходаковская 2009: 48). Но всё-таки лютеранизацию карел удалось остановить и теперь в Финляндии «в качестве способа интеграции карелов в финскую нацию... предпочтение всё больше отдавалось финнизации самого православия» (Мусаев 2014: 267). Кроме того, епархиальные власти обеспокоились увлечением населения «социализмом»: «Особенный же враг православия и вообще религии, появившийся в последнее время, социализм, каковой находится в весьма большой силе в 4-м благочинии. Социализм, как заразная болезнь, охватил всё безземельное население, а также и малоземельных крестьян. Этот враг страшен тем, что борьбу с верой ставит в прямую связь с очень большими нуждами безземельного народа. С особенной настойчивостью открываются... рабочие дома, где по вечерам... устраиваются собрания, на которых открыто осуждаются религия и государственность... Издаётся несколько социалистических газет, в которых почти постоянно осмеиваются религия и духовенство. Газеты эти... при дешёвой цене выписываются и многими православными»³⁹.

³⁹ Отчёт за 1911 г. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2493. Л. 16–16 об.

Архиепископа Сергия практически с начала его архипастырского служения в Финляндии отвлекали дела синодальные. В 1906–1907 годах он был вызван на зимнюю сессию в Синод, председательствовал в Учебном комитете, стал почётным членом Петербургской духовной академии. Ему стали поручать важные и безотлагательные вопросы по церковному управлению. В 1907 году он возглавил Комиссию по исправлению богослужебных книг. С 1911 года стал бессменным членом Св. Синода. Это было время, когда Церковь готовилась к Поместному Собору, и архиепископ Сергей принимал участие в работах Предсоборного присутствия (1906), был председателем Предсоборного Соповещения (1912–1916), а в 1917 году входил в Предсоборный совет. В 1913 году был назначен председателем Миссионерского совета при Св. Синоде. 14 января 1915 года по личной просьбе освобождён от этой должности. Как отмечают исследователи, «сделавшись фактически консерватором в Финляндии, в вопросах общего развития Русской Православной Церкви Сергей оставался на реформистских позициях» (Мусаев 2014: 487), поддерживая восстановление патриаршества и необходимость церковных реформ.

ОТНОШЕНИЕ С ЦАРСКОЙ СЕМЬЁЙ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ещё одна тема, о которой нужно упомянуть, это отношения архиепископа Сергия с царской семьёй. Сказать однозначно, какими они были, сложно из-за недостатка информации, но определённо известно, что не идеальными. К началу Первой мировой войны (1914) владыка уже не пользовался доверием венценосцев, как и многие другие архиереи, чему причиной было, вероятно, отрицательное отношение к Г. Распутину. Первоначально доверявший сибирскому страннику архиепископ после 1911 года изменил к нему отношение. Именно владыка Сергей привёл Распутина к инспектору Духовной академии архимандриту Феофану (Быстрову), который и познакомил того с высшим светом (Фирсов 2005: 24). Есть свидетельства, что в 1911 году Распутин всё ещё останавливался в покоях архиепископа Финляндского и тот уважительно о нём отзывался (Илиодор [Труфанов С.] 1917: 12).

В переписке военных лет Николая II с супругой архиепископ Сергей упоминается трижды, и не в благожелательном контексте. Так, Александра Фёдоровна была возмущена, что владыка вместе с Агафангелом (Преображенским) и Никоном (Рождественским) в течение трёх часов «нападал» на ставленника Распутина Варнаву (Накропина) по поводу их «Друга» (1915) (Переписка Николая и Александры Романовых. 1923: 320).

Затем она 9 сентября 1915 года предлагала удалить владыку Сергия из Синода в Ярославль (Переписка Николая и Александры Романовых. 1923: 325). 25 сентября 1916 года государь признался супруге, незадолго до того принимавшей членов Свт. Синода, что ему неприятно видеть среди них Сергия Финляндского (Переписка Николая и Александры Романовых. 1927: 68). Можно предположить, что досаду императора вызывала политика владыки Сергия в Финляндии. Николай II был за более жёсткие меры (Куюла 1998: 68) в пресечении сепаратизма и желал ограничения автономии, а архипастырь, напротив, был слишком «понимающим» с финнами.

Считается, что у Финляндского архиепископа были серьёзные разногласия с российскими властями (Dixon 2004: 72), в т. ч. с политикой Столыпина. Хотя в Финляндии «не могло быть более ярого защитника “российских интересов”, чем Сергей» (Dixon 2004: 72), он расходился с властью в понимании церковно-государственных отношений. «Вопрос не в том, чтобы дать свободу вере во имя отвлечённых принципов... а... в том... чтобы с Церкви была снята всякая националистическая и под[обная] миссия, так как всё это вопросы исключительно государственные, — считал Архипастырь. — Я говорю не о свободе духовной власти от светского вмешательства. Это вопрос ничтожный. Я говорю о том, чтобы идеалы Церкви были первенствующими, чтобы государство не употребляло Церковь в свою пользу, как орудие» (Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. 2005: 72–73, 125–129). Тем не менее финляндскую сторону даже такая политика не устраивала. Архиепископ оказался в разногласиях со многими и из местного клира (Dixon 2004: 72). Но говорить о полном провале его политики, на наш взгляд, всё-таки не стоит. Да и огромный вклад владыки в церковно-общественную жизнь региона был по достоинству оценён: «Показательно, что и назначение членом Свт. Синода, и награждение бриллиантовым крестом для ношения на клобуке (в 1912 году), и награждение орденом Св. Александра Невского (в 1915 году) пришлось на 6 мая — день рождения Государя. Впрочем, белый митрополичий клобук до 1917 года он так и не получил, хотя формальная возможность для этого была» (Фирсов 2005: 42).

Неизвестно, как лично Архипастырь воспринял Февральскую революцию и отречение царя, но его подпись присутствует «под всеми значительными определениями Синода в связи со сменой государственного строя». Седьмого марта он «был назначен председателем комиссии по исправлению богослужебных чинов и молитв в связи с переменой государственного

строя»⁴⁰. Новый обер-прокурор В. Н. Львов вступил в конфронтацию со всеми членами Свт. Синода, но их протест, подписанный и владыкой Сергием, не был учтён, Временное правительство 14 апреля 1917 года распустило старый состав. Единственным, кто остался в новом составе Синода, был архиепископ Сергей.

Формально финляндский период архипастырского служения владыки Сергея завершился в августе 1917 года — 10 августа он был утверждён архиепископом Владимирским и Шуйским. 28 ноября возведён в сан митрополита. Но Архипастырь и в дальнейшем, после провозглашения независимости Финляндии, продолжал интересоваться финляндскими делами. В частности, переписывался с Валаамским игуменом Харитоном (Дунаевым) и Сортавальским Церковным управлением, участвовал в разрешении календарного конфликта с монастырями в Финляндской Православной Церкви в межвоенный период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка историками «финляндского периода» в биографии митрополита Сергея неоднозначна. «Епархия, в которой православные никогда не составляли более двух процентов от общей численности населения, имела политическое значение, несоизмеримое с её размерами» (Dixon 2004: 56). Возможно, такая участь уготована любому приграничному краю, а Великое княжество было для России «буфером» от иноконфессионального Запада. Архиепископ Сергей вполне понимал государственное значение своей епархии и что отказ от православия в ней повлечёт за собой и отказ от России. «Вера настолько содействовала русской национальности, что если русский перестаёт быть православным, то он так много теряет из своего внутреннего содержания, что перестаёт быть русским... Русский тот, кто разделяет русские идеалы и живёт ими, тот, для кого Россия со всем её содержанием — дорогá. Человек может потерять веру, но для него всё русское всё-таки будет дорогó, пока он не вступит в другую веру» (Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. 2005: 72–73, 125–129), — говорил он на Религиозно-философских собраниях в начале XX века.

Финляндский архиепископ сделал всё от него зависящее, чтобы уберечь карельский народ от перехода в иную конфессию, а также чтобы сохранить православную веру на финляндской земле. Поступал ли он так, чтобы сохранить Империю, или заботился о интересах двух

⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2838. Л. 20; (Рогозный 2017: 330).

процентов населения Финляндии, исповедовавших православие, — так ли это важно? Как говорил сам владыка, «у нас глубокое недоразумение... относительно представления о государстве. Отличие западного идеала государства от русского в том, что мы подчиняемся государству не во имя отвлечённых государственных идей, а во имя Христа» (Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. 2005: 72–73, 125–129).

Как можно убедиться на примере анализа политического и социокультурного контекстов финляндской епархиальной жизни начала XX века, в ней были общие черты и с церковной жизнью в СССР — прежде всего, это множественные конфронтации во всех областях, необходимость находить компромисс и общие интересы с враждебным окружением. Но если «самый кроткий из русских епископов, Антоний (Вадковский)» умел «тщательно балансировать» «между *интересами* России и *чувствами* Финляндии» (Dixon 2004: 56), то в условиях войны и следовавших одна за другой революций архиепископу Сергию делать это было практически невозможно. «В случае с Финляндской епархией попытки Русской Церкви укрепить свои конфессиональные связи только сделали их более хрупкими» (Dixon 2004: 72). После провозглашения независимости Финляндии из Финляндской и Выборгской епархий постепенно была сформирована вторая государственная Церковь национального меньшинства, в которой почти всё было устроено так, как того ранее добивался профински ориентированный клир. А в Советской Карелии новые власти запустили эксперимент по созданию безрелигиозной зоны и тотальному уничтожению веры. Кто знает, может быть, без усилий, трудов и молитв архиепископа Финляндского Сергия всё могло бы быть ещё печальнее. Данная статья — всего лишь попытка понять историю и избежать как идеализации, так и демонизации императорского прошлого России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. — М. : Наука, 1968. — 520 с.
- Антоний (Храповицкий), архиеп. Восстановление патриаршества. — Почаев : тип. Почаево-Усп. лавры, 1912. — 18 с.
- Беглов А. Л. Православный приход на иноконфессиональных окраинах Российской империи: случай Финляндии // Государство. Религия. Церковь. — 2014. — № 4 (32). — С. 107–135.
- Бок. М. П. Воспоминания о моём отце П. А. Столыпине. — Л. : Ингрия, 1990. — 352 с.
- Васильева О. Ю. Митрополит Сергей (Страгородский). Штрихи к портрету // Альфа и Омега. — 2002. — № 1. — С. 136–163.
- Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России: 1905–1917. — СПб. : Норма, 2006. — 381 с.
- Витухновская-Кауппала М., Осипов А. В пучине гражданской войны: карелы в поисках стратегии выживания 1917–1922. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. — 352 с.
- Георгиевский Г. П. Воспоминания о Патриархе Сергии // Патриарх Сергей (Страгородский): pro et contra: антология / сост., вступ. ст. С. Л. Фирсова. — СПб. : РХГА, 2017. — С. 133–150.
- Голлербах Э. Ф. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. — Париж : YMCA-PRESS, 1976. — 111 с.
- Григорий (Чуков), архиеп. Финляндский период деятельности Святейшего Патриарха Сергия (1905–1917 гг.) [20 марта 1945] / публ. Л. К. Александровой-[Чуковой] // Имперский курьер. [Орган русско-го имперского движения]. — 2002. — № 2. — С. 36–37.
- Данилов А. Г. История Православия в Финляндии // Альфа и Омега. — 2001. — № 4. — С. 294–300.
- Дворкин А. Л. Жизнь, личность и взгляды Сергия Страгородского, епископа Ямбургского и архиепископа Выборгского и Финляндского (будущего Патриарха Московского и всея Руси) до 1917 г.: дис. ... канд. богосл. Свято-Владимирская духовная академия. — Нью-Йорк, 1983.
- Дворкин А. Л. Миссионер: Жизнь, личность и взгляды Патриарха Сергия (Страгородского) // Альфа и Омега. — 1995. — № 5. — С. 139–156.
- Дубровская Е. Ю. Валаамский иеромонах Исаакий Трофимов: личность и время (синодальный миссионер Выборгской епархии в Карельском приграничье накануне и в годы Первой мировой войны) // VII Валаамские образовательные чтения «Богоизбранная обитель»: к 30-летию возрождения монашеской жизни на Валааме: материалы конференции. — М. : Перо, 2020. — С. 62–75.

Дубровская Е. Ю. Карелия начала XX в. глазами православного духовенства // Православие в Карелии. Материалы республиканской научной конференции / под ред. В. М. Пивоева. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. — С. 89–97.

Дубровская Е. Ю. Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX — начала XX в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Проблемы общественно-политической истории XIX–XX вв. — Петрозаводск, 1991. — С. 55–64.

Дунин Ф. О. Патриарх Сергей (Страгородский) и его церковная деятельность до созыва Поместного Собора 1917–1918 гг.: рукопись выпускной работы. Ленинградская духовная академия. — Л., 1986.

Жабоедов-Господарец В. П. Православный вопрос в Великом княжестве Финляндском в 1905–1917 гг. В оценках правоконсервативной и либеральной печати XX в. // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2015. — Спецвыпуск. — С. 152–155.

Записки Петербургских Религиозно-философских собраний 1901–1903 / под общ. ред. С. М. Половинкина. — М. : Республика, 2005. — 543 с.

Избранные труды Святителя Николая Архиепископа Японского. — М. : ПСТГУ, 2006. — 171 с.

Илиодор [Труфанов С.], бывш. иером. Святой чорт: Записки о Распутине. — М., 1917. — 187 с.

Иоанн (Разумов), архиеп. Святейший Патриарх Сергей (жизнь и деятельность). — М. : Петровский, 2013. — 303 с.

Киприан [Шнитников], иером. К вопросу о будущем православия в Финляндии // Прибавления к «Церковным ведомостям». — 1906. — № 43. — С. 2829–2835.

Киуру Э. С. Миф о Сампо // «Калевала» — памятник мировой культуры: материалы научной конференции, посвящённой 150-летию первого издания карело-финского эпоса. — Петрозаводск : Карелия, 1986. — С. 71–72.

Кораблёв Н. А. Создание и деятельность Православного карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. : сб. статей / отв. ред. А. М. Пашков. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — С. 121–167.

Кудрина Ю. В. Императрица Мария Фёдоровна (1847–1928 гг.): Дневники. Письма. Воспоминания. — М. : Олма-Пресс, 2000. — 317 с.

Куяла А. Россия и Финляндия в 1907–1914 гг.: планы введения военного положения // Отечественная история. — 1998. — № 2. — С. 65–74.

Лунтинен П. Отношения между финнами и русскими во времена Великого княжества Финляндского (1809–1917 гг.) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия: XVII–XX вв. — М., 2006. — С. 60–72.

Мишин А. И. Путешествие в «Калевалу». — Петрозаводск : Карелия, 1988. — 168 с.

Мусаев В. И. Между Западом и Востоком: православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е — 1930-е гг.). — СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2014. — 546 с.

Мусаев В. И. Финляндский период в жизни и деятельности Сергия (Страгородского), будущего Патриарха Московского и всея Руси // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 16–17 мая 2013 г. [отв. ред. В. М. Козьменко, В. В. Керов]. — М. : Экон-информ, 2013. — С. 482–488.

Новый архиепископ финляндский Сергей // Церковный вестник. — 1905. — № 42. — С. 1322–1323.

Одинцов М. И. Патриарх Сергей. — М. : Молодая гвардия, 2013. — 395 с.

Одинцов М. И. Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1: «Дело» Патриарха Тихона; Крестный путь Патриарха Сергия. — М. : РАГС, 1999. — 334 с.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / под ред. В. Чаплина и др. — М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2004. — Ч. 2. — 1056 с.

Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. [Учеб. пособие]. — Петрозаводск : ПГУ, 1986. — 71 с.

Патриарх Сергей (Страгородский): pro et contra: антология / сост., вступ. ст. С. Л. Фирсова. — СПб. : РХГА, 2017. — 669 с.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. — М. : Издание Московской Патриархии, 1947. — 415 с.

Переписка Николая и Александры Романовых. — М.; Пг. : Гос. Изд-во, 1923–1927. — Т. III: 1914–1915. — М., 1925. — 510 с.

Переписка Николая и Александры Романовых. — М.; Пг. : Гос. Изд-во, 1923–1927. — Т. V: 1916–1917. — М., 1927. — 303 с.

Петухова А. П. «Финляндский вопрос» в системе внутривнутриполитических представлений Российской правящей элиты в кон. XIX — нач. XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. — 2008. — № 4. — С. 56–65.

Петухова А. П. Русское национальное движение и финляндский вопрос во второй половине XIX — нач. XX в.: дис. ... к. и. н., спец. Отеч. ист. 5.6.1. МГУ. — М., 2022.

Полунин В. Ю. «Финляндский вопрос» в контексте национальной политики российской империи. Исключение или правило? // Альманах североевропейских и балтийских исследований / *Nordic and Baltic Studies Review*. — 2023. — Вып. 8. — С. 53–64.

Пурмонен В., прот. Первый Сердобольский епископ Киприан (Шнитников) и Карельское братство: национальные и церковные конфликты в Карелии в начале XX в. // IV Валаамские образовательные чтения «Единство Церкви и народа — уроки прошлого и проблемы настоящего» [материалы конференции 28–30 мая 2012, о. Валаам]. — СПб. : Валаам, 2013. — С. 39–44.

Рогозный П. Г. Несколько новых штрихов к биографии патриарха Сергия (Страгородского) // Патриарх Сергей (Страгородский): *pro et contra*: антология. — СПб., 2017. — С. 329–338.

Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной думе: Материалы по истории церкви. — М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2004. — 560 с.

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке. Письма Японского миссионера. — Арзамас : Тип. И. Доброхотова, 1897. — 278 с.

Сергий (Страгородский), архим. По Японии. Записки миссионера // Богословский Вестник. — 1899. — № 4. — С. 622–649.

Сергий (Страгородский), архим. По Японии. Записки миссионера // Богословский Вестник. — 1899. — № 7. — С. 394–415.

Сергий (Страгородский), архим. По Японии. Записки миссионера // Богословский Вестник. — 1899. — № 8. — С. 596–614.

Соломещ И. М. На рубежах распадающейся империи: «карельский вопрос» кон. XIX — нач. XX в. в геополитическом контексте // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации: [Материалы межд. конф., 13–15 окт. 1999 г.] — М., 2001. — С. 171–187.

Титков Е. П. Патриарх Сергей (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине. — Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2007. — 664 с.

Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Сергей (Страгородский): О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. — СПб. : Сатис; Держава, 2005. — 395 с.

Фирсов С. Л. Митрополит Сергей (Страгородский) в оценках и мнениях современников (к постановке вопроса) // История Русской православной церкви в XX веке (1917–1933 гг.): материалы конф.,

г. Сэнтендре (Венгрия), 13–16 нояб. 2001 г. — [Мюнхен] : Обитель преп. Иова Почаевского; [Петрозаводск : ГП Тип. им. П. Ф. Анохина], 2002 — С. 301–317.

Хижий М., прот. Размышления о церковной политике Патриарха Сергия (Страгородского) // Альфа и Омега. — 2002. № 3 (33). — С. 120–130.

Ходаковская О. И. Дело жизни епископа Киприана (Шнитникова) (1879–1914) // Вестник ПСТГУ (II): История. История Русской православной церкви. — 2009. — № 4 (33). — С. 26–50.

Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. — М. : Наука, 1967. — 387 с.

Чуков Николай, прот. Очерк деятельности Православного Карельского Братства св. великомученика Георгия в Олонецкой губернии. — Петрозаводск : Олонец. губ. тип., 1909. — 62 с.

Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1997. — 202 с.

Dixon S. Sergii (Stragorodskii) in the Russian Orthodox Diocese in Finland: Apostasy and Mixed Marriages, 1905–1917 // The Slavonic and East European Review. — 2004. — Vol. 82. — No. 1. — P. 50–73.

Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden: Raja-Karjalan väestö ja sentoimeentulo 1880–1940. — Helsinki : Suomen historiallinen seura, 1993. — 562 s.

Hämynen T. Suomalaistajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset: kirkko ja koulukysymys Raja-Karjalassa 1900–1923. — Joensuu : Joensuun yliopisto, 1995. — 162 s.

Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpalaisia: Venäläisviha Suomessa 1917–1923. — Helsinki, 1998. — 221 s.

Kilpeläinen H. Valamo — karjalaisten luostari?: Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmanneotien välisenä aikana. — Helsinki : SKS, 2000. — 524 p.

Korros A. Sh. The Landed Nobility, the State Council and P. A. Stolypin // The Politics of Rural Russia. 1905–1914 / ed. L. Haimson. — Bloomington, 1979. — P. 123–141.

Laasonen P. Vuonna 1905 Venäjällä annnetun uskonnonvapauslain vaikutus Suomen ortodoksiessa kirkossa // Ortodoksia. — 1972. — № 21. — S. 106–123.

Laitila T. Uskon luotsi: Sergei Okulov Suomen ortodoksien vaiheissa. — Jyväskylä : Aamun koitto, 2004. — 421 s.

Loima J. Muukalaisina Suomessa. Kaakkoisen Kannaksen kreikkalaiskatoliset venäläisseurakunnat kansallisena ongelmana 1889–1939. — Helsinki : Yliopistopaino, 2001. — 325 s.

Loima J. Nationalism and the Orthodox Church in Finland // Loima J., Laitila T. Nationalism and Orthodoxy. Two Thematic Studies on National Ideologies and Their Interaction with the Church. — Helsinki : Helsinki University, 2004. — P. 93–198.

Merikoski K. Taistelua Karjalasta: piirteitä venäläistämistyöstä Raja-Karjalassa tsaarinvallan aikoina. — Helsinki : Valistus, 1939. — 367 s.

Purmonen V. Piispa Kiprian ja Karjalan Veljeskunta // Doksologia: juhlaulkaisu isä Erkki Elias Piiröiselle hänen täyttäessään 60 vuotta 14. 11. 1979. — Joensuu. 1980. — S. 117–128.

Verner A. M. The Crisis of Russian Autocracy: Nicolas II and the 1905 Revolution. — Princeton : Princeton University Press, 1990. — 372 p.

Hosking G. A. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. — New York; London : Cambridge University Press, 1973. — 281 p.

Сведения об авторе:

Татьяна Ивановна Шевченко — кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 б, e-mail: tatyana_valaam@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 17.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

T. I. Shevchenko

SAINT TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Sergius (Stragorodsky), Archbishop of Finland and Vyborg — features of pastoral service in political and socio- cultural contexts

Abstract. The article is devoted to the analysis of the “Finnish period” of the pastoral service of Sergius (Stragorodsky), future Patriarch of Moscow and All Russia. The period covers the years 1905–1917, during which there was an exacerbation of Russian-Finnish relations. In Finnish historiography, these years are referred to as another period of russification (1908–1917), while in Russian historiography, they are marked by attempts to Finnize and Lutheranize Russian Karelia. Formed in 1892 as the vicariate of the St. Petersburg diocese, the Vyborg and Finnish diocese of the Orthodox Russian Church united the parishes of the Grand Duchy of Finland, to which the Vyborg province (Old Finland) belonged, annexed to the Grand Duchy by Alexander I in 1811. In 1913, the Serdobolsk vicariate was established in the diocese for Karelian parishes. Archbishop Sergius was tasked with countering “pan-Finnish propaganda” in Karelia and defending the interests of the Russian Church in the Grand Duchy, the vast majority of whose population adhered to Lutheranism. The Karelians inhabited the eastern part of the Grand Duchy of

Finland, Olonets and Belomorsk Karelia. Through joint efforts of church and provincial authorities in these regions, the process of Lutheranization of Karelians directed by Finnish nationalists was stopped. However, Archbishop Sergius policy in the Grand Duchy caused rejection from local elites and church figures. Relations with Russian politicians were also complicated for the Archbishop of Finland. This was largely due to the exacerbation of Finnish and Karelian issues. The article analyzes the political and socio-cultural contexts of the pastoral service of Archbishop Sergius, emphasizes important facts of his biography that help understand the logic of his decisions, presents preliminary conclusions based on a review of the modern historiography of the issue, which has not received sufficient attention from Russian researchers to date.

Keywords: Archbishop of Finland and Vyborg, Archbishop Sergius (Stragorodsky), Vyborg and Finnish diocese, Finnish question, Karelian question, national question, russification, pan-Finnish propaganda, Finnization of Orthodoxy

For citation: Shevchenko, T. I. (2024). Sergius (Stragorodsky), Archbishop of Finland and Vyborg — features of pastoral service in political and socio-cultural contexts. *Orthodoxia*, (2), 128–173. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-128-173

REFERENCES:

Avrekh, A. Ia. (1968). *Stolypin i Tret'ia Duma* [Stolypin and the Third Duma]. Moscow : Nauka. [In Russian].

Antony (Khrapovitsky), Archbishop. (1912). *Vosstanovlenie patriarshestva* [Restoration of the Patriarchate]. Pochaev : tip. Pochaevo-Usp. lavry. [In Russian].

Beglov, A. L. (2014). Pravoslavnyi prikhod na inokonfessional'nykh okrainakh Rossiiskoi imperii: sluchai Finliandii [Orthodox Parish on the Non-Confessional Outskirts of the Russian Empire: the Case of Finland]. *Gosudarstvo. Religii. Tserkov'*, (4), 107–135. [In Russian].

Bok, M. P. (1990). *Vospominaniia o moem ottse P. A. Stolypine* [Memoirs of My Father P. A. Stolypin]. Leningrad: Ingridia. [In Russian].

Vasileva, O. Iu. (2002). Mitropolit Sergy (Stragorodsky). Shtrikhi k portretu [Metropolitan Sergius (Stragorodsky). Strokes to the Portrait]. *Al'fa i Omega*, (1), 136–163. [In Russian].

Vitukhnovskaia, M. A. (2006). *Rossiiskaia Kareliia i karely v imperskoi politike Rossii: 1905–1917* [Russian Karelia and Karelians in the Imperial Policy of Russia: 1905–1917]. Saint Petersburg : Norma. [In Russian].

Vitukhnovskaia-Kauppal, M., Osipov, A. (2020). *V puchine grazhdanskoi voyny: karely v poiskakh strategii vyzhivaniia 1917–1922* [In the Depths of the Civil War: Karelians in Search of a Survival Strategy 1917–1922]. Moscow, Saint Petersburg : Nestor-Istoriia. [In Russian].

Georgievsky, G. P. (2017). Vospominaniia o Patriarkhe Sergii [Memories of Patriarch Sergius]. In *Patriarkh Sergy (Stragorodsky): pro et contra: antologiiia* (pp. 133–150). Saint Petersburg : RKhGA. [In Russian].

Gollerbakh, E. F. (1976). *V. V. Rozanov. Zhizn' i tvorchestvo* [V. V. Rozanov. Life and Creativity]. Paris : YMCA-PRESS. [In Russian].

Grigory (Chukov), Archbishop. (2002). Finliandsky period deiatel'nosti Sviatishego Patriarkha Sergiia (1905–1917 gg.) (20 marta 1945) [The Finnish Period of Activity of His Holiness Patriarch Sergius (1905–1917) (March 20, 1945)]. *Impersky kur'er*. (*Organ russkogo imperskogo dvizheniia*), (2), 36–37. [In Russian].

Danilov, A. G. (2001). Istoriia Pravoslaviia v Finliandii [The History of Orthodoxy in Finland]. *Al'fa i Omega*, (4), 294–300. [In Russian].

Dvorkin, A. L. (1983). *Zhizn', lichnost' i vzgliady Sergiia Stragorodskogo, episkopa Iamburgskogo i arkhiepiskopa Vyborgskogo i Finliandskogo (budushchego Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi) do 1917 g.* [The Life, Personality and Views of Sergius Stragorodsky, Bishop of Yamburg and Archbishop of Vyborg and Finland (Future Patriarch of Moscow and All Russia) before 1917] [Dissertation of Candidate of Theology. Sviato-Vladimirskaiia dukhovnaia akademiia]. New York. [In Russian].

Dvorkin, A. L. (1995). Missioner: Zhizn', lichnost' i vzgliady Patriarkha Sergiia (Stragorodskogo) [The Missionary: The Life, Personality and Views of Patriarch Sergius (Stragorodsky)]. *Al'fa i Omega*, (5), 139–156. [In Russian].

Dubrovskaiia, E. Iu. (2020). Valaamsky ieromonakh Isaakii Trofimov: lichnost' i vremia (sinodal'nyi missioner Vyborgskoi eparkhii v Karel'skom prigranich'e nakanune i v gody Pervoi Mirovoi voyny) [Valaam Hieromonk Isaac Trofimov: Personality and Time (Synodal Missionary of the Vyborg Diocese in the Karelian Border Region on the Eve and During the First World War)]. In *VII Valaamskie obrazovatel'nye chteniia "Bogozbrannaia*

obitel'": k 30-letiiu vrozozhdeniia monasheskoi zhizni na Valaame: materialy konferentsii (pp. 62–75). Moscow : Pero. [In Russian].

Dubrovskaia, E. Iu. (2000). Kareliia nachala XX v. glazami pravoslavnogo dukhovenstva [Karelia of the Beginning of the XX Century Through the Eyes of the Orthodox Clergy]. In *Pravoslavie v Karelii. Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii* (pp. 89–97). Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU. [In Russian].

Dubrovskaia, E. Iu. (1991). Protivoborstvo panfinnizma i russkogo velikoderzhavii v Karelii (po materialam istochnikov kontsa XIX — nachala XX vv.) [The Confrontation of Pan-Finnism and the Russian Great Power in Karelia (Based on Sources from the Late XIX — Early XX Centuries)]. In *Voprosy istorii Evropeiskogo Severa: Problemy obshchestvenno-politicheskoi istorii XIX–XX vv.* (pp. 55–64). Petrozavodsk. [In Russian].

Dunin, F. O. (1986). *Patriarkh Sergy (Stragorodsky) i ego tserkovnaia deiatel'nost' do sozyva Pomestnogo Sobora 1917–1918 gg.* [Patriarch Sergius (Stragorodsky) and his Church Activities before the Convocation of the Local Council of 1917–1918] [The Graduation Work. Leningrad Theological Academy]. Leningrad. [In Russian].

Zhaboedov-Gospodarets, V. P. (2015). Pravoslavnyi vopros v Velikom kniazhestve Finliandskom v 1905–1917 gg. V otsenkakh pravokonservativnoi i liberal'noi pechati XX v. [The Orthodox Question in the Grand Duchy of Finland in 1905–1917. In the Assessments of the Right-Wing Conservative and Liberal Press of the XX Century]. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (Spetsvypusk), 152–155. [In Russian].

Zapiski Peterburgskikh Religiozno-filosofskikh sobrany 1901–1903 [Notes of the St. Petersburg Religious and Philosophical Meetings 1901–1903]. (2005). Moscow : Respublika. [In Russian].

Izbrannye trudy Sviatitelia Nikolaia Arkhiepiskopa Iaponskogo [Selected Works of St. Nicholas, Archbishop of Japan]. (2006). Moscow : PSTGU. [In Russian].

Iliodor (Trufanov, S.), Former Hieromonk. (1917). *Sviatoi chort: Zapiski o Rasputine* [Holy Devil: Notes on Rasputin]. Moscow. [In Russian].

Ioann (Razumov), Archbishop. (2013). *Sviateishy Patriarkh Sergy (zhizn' i deiatel'nost')* [His Holiness Patriarch Sergius (Life and Work)]. Moscow : Petrovsky. [In Russian].

Kiprian [Shnitnikov], Hieromonk. (1906). K voprosu o budushchem pravoslaviia v Finliandii [On the Question of the Future of Orthodoxy in Finland]. *Pribavleniia k Tserkovnym vedomostiam*, (43), 2829–2835. [In Russian].

Kiuru, E. S. (1986). Mif o Sampo [The Myth of Sampo]. In *“Kalevala” — pamiatnik mirovoi kul’tury: materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu pervogo izdaniia karelo-finskogo eposa* (pp. 71–72). Petrozavodsk : Kareliia. [In Russian].

Korablev, N. A. (2013). Sozdanie i deiatel’nost’ Pravoslavnogo karel’skogo bratstva na territorii Rossiiskoi Karelii [Creation and Activity of the Orthodox Karelian Brotherhood on the Territory of Russian Karelia]. In *Karely rossiisko-finskogo pogranich’ia v XIX–KhKh vv. : sb. statei* (pp. 121–167). Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU. [In Russian].

Kudrina, Iu. V. (2000). *Imperatritsa Mariia Fedorovna (1847–1928 gg.): Dnevniki. Pis’ma. Vospominaniia* [Empress Maria Feodorovna (1847–1928): Diaries. Letters. Memoirs]. Moscow : Olma-Press. [In Russian].

Kuiala, A. (1998). Rossiia i Finliandiia v 1907–1914 gg: plany vvedeniia voennogo polozheniia [Russia and Finland in 1907–1914: Plans for the Introduction of Martial Law]. *Otechestvennaia istoriia*, (2), 65–74. [In Russian].

Luntinen, P. (2006). Otnosheniia mezhdru finnimi i russkimi vo vremena Velikogo kniazhestva Finliandskogo (1809–1917 gg.) [Relations between Finns and Russians during the Time of the Grand Duchy of Finland (1809–1917)]. In *Rossiia i Finliandiia: problemy vzaimovospriiatiia: XVII–XX vv.* (pp. 60–72). Moscow. [In Russian].

Mishin, A. I. (1988). *Puteshestvie v “Kalevalu”* [Journey to Kalevala]. Petrozavodsk : Kareliia. [In Russian].

Musaev, V. I. (2014). Mezhdru Zapadom i Vostokom: pravoslavie v avtonomnoi i nezavisimoi Finliandii (1890-e — 1930-e gg.) [Between the West and the East: Orthodoxy in Autonomous and Independent Finland (1890s — 1930s)]. Saint Petersburg : Izd-vo Politekhnikheskogo un-ta. [In Russian].

Musaev, V. I. (2013). Finliandsky period v zhizni i deiatel’nosti Sergiia (Stragorodskogo), budushchego Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi [The Finnish Period in the Life and Work of Sergius (Stragorodsky), the Future Patriarch of Moscow and All Russia]. In *Lichnost’ v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul’turnykh protsessakh rossiiskoi istorii: materialy XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Moskva, 16–17 maia 2013 g.* (pp. 482–488). Moscow : Ekon-inform. [In Russian].

Novyi arkhiepisop finliandsky Sergy [The New Archbishop of Finland Sergius]. (1905). *Tserkovnyi vestnik*, (42), 1322–1323. [In Russian].

Odintsov, M. I. (2013). *Patriarkh Sergy* [Patriarch Sergius]. Moscow : Molodaia gvardiia. [In Russian].

Odintsov, M. I. (1999). *Russkie Patriarkhi XX veka: Sud'by Otechestva i Tserkvi na stranitsakh arkhivnykh dokumentov. Ch. 1: "Delo" Patriarkha Tikhona; Krestnyi put' Patriarkha Sergiia* [Russian Patriarchs of the XX Century: The Fate of the Fatherland and the Church on the Pages of Archival Documents. Part 1: The "Case" of Patriarch Tikhon; The Way of the Cross of Patriarch Sergius]. Moscow : RAGS. [In Russian].

Otzyvy eparkhial'nykh arkhieriev po voprosu o tserkovnoi reforme: v 2 chch. [Reviews of Diocesan Bishops on the Issue of Church Reform: in 2 Parts] (Part 2). (2004). Moscow : Izd-vo Krutitskogo podvor'ia. [In Russian].

Oshero, E. B., Suni, L. V. (1986). *Finliandskaia politika tsarizma na rubezhe XIX–XX vv. (Ucheb. Posobie)* [The Finnish policy of tsarism at the turn of the XIX–XX centuries (Textbook)]. Petrozavodsk : PGU. [In Russian].

Patriarkh Sergy (Stragorodsky): pro et contra: antologiiia [Patriarch Sergius (Stragorodsky): Pro et Contra: Anthology]. (2017). Saint Petersburg : RKhGA. [In Russian].

Patriarkh Sergy i ego dukhovnoe nasledstvo [Patriarch Sergius and His Spiritual Inheritance]. (1947). Moscow : Izdanie Moskovskoi Patriarkhii. [In Russian].

Perepiska Nikolaia i Aleksandry Romanovykh [The Correspondence of Nikolai and Alexandra Romanov] (Vol. III: 1914–1915). (1925). Moscow : Gos. Izd-vo. [In Russian].

Perepiska Nikolaia i Aleksandry Romanovykh [The Correspondence of Nikolai and Alexandra Romanov] (Vol. V: 1916–1917). (1927). Moscow : Gos. izd-vo. [In Russian].

Petukhova, A. P. (2008). "Finliandsky vopros" v sisteme vnutripoliticheskikh predstavleny Rossiiskoi praviashchei elity v kon. XIX — nach. XX v. ["The Finnish Question" in the System of Internal Political Representations of the Russian Ruling Elite in the End XIX — beginning XX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 8: Istorii*, (4), 56–65. [In Russian].

Petukhova, A. P. (2022). *Russkoe natsional'noe dvizhenie i finliandsky vopros vo vtoroi polovine XIX — nach. XX v.* [The Russian National Movement and the Finnish Question in the Second Half of the XIX — Beginning XX Century] [Dissertation of Candidate of History. Moscow State University]. Moscow. [In Russian].

Polunin, V. Iu. (2023). "Finliandsky vopros" v kontekste natsional'noi politiki rossiiskoi imperii. Iskliuchenie ili pravilo? ["The Finnish question" in the Context of the National Policy of the Russian Empire. The Exception

or the Rule?] *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniĭ / Nordic and Baltic Studies Review*, (8), 53–64. [In Russian].

Purmonen, V., Archpriest. (2013). *Pervyi Serdobol'sky episkop Kiprian (Shnitnikov) i Karel'skoe bratstvo: natsional'nye i tserkovnye konflikty v Karelii v nachale XX v.* [The First Serdobolsky Bishop Cyprian (Shnitnikov) and the Karelian Brotherhood: National and Church Conflicts in Karelia at the Beginning of the Twentieth Century]. In *IV Valaamskie obrazovatel'nye chteniia "Edinstvo Tserkvi i naroda — uroki proshlogo i problemy nastoiashchego" [materialy konferentsii 28–30 maia 2012, o. Valaam]* (pp. 39–44). Saint Petersburg : Valaam. [In Russian].

Rogoznyi, P. G. (2017). *Neskol'ko novykh shtrikhov k biografii patriarkha Sergiia (Stragorodskogo)* [A Few New Touches to the Biography of Patriarch Sergius (Stragorodsky)]. In *Patriarkh Sergy (Stragorodsky): pro et contra: antologiya* (pp. 329–338). Saint Petersburg. [In Russian].

Rozhkov, V., Archpriest. (2004). *Tserkovnye voprosy v Gosudarstvennoi dume: Materialy po istorii tserkvi* [Church Issues in the State Duma: Materials on the History of the Church]. Moscow : Izd-vo Krutitskogo podvor'ia. [In Russian].

Sergius [Stragorodsky], Archimandrite. (1897). *Na Dal'nem Vostoke. Pis'ma Iaponskogo missionera* [In the Far East. Letters from a Japanese Missionary]. Arzamas : Tip. I. Dobrokhotova. [In Russian].

Sergius [Stragorodsky], Archimandrite. (1899). *Po Iaponii. Zapiski missionera* [In Japan. Notes of a missionary]. *Bogoslovsky Vestnik*, (4), 622–649. [In Russian].

Sergius [Stragorodsky], Archimandrite. (1899). *Po Iaponii. Zapiski missionera* [In Japan. Notes of a missionary]. *Bogoslovsky Vestnik*, (7), 394–415. [In Russian].

Sergius [Stragorodsky], Archimandrite. (1899). *Po Iaponii. Zapiski missionera* [In Japan. Notes of a missionary]. *Bogoslovsky Vestnik*, (8), 596–614. [In Russian].

Solomeshch, I. M. (2001). *Na rubezhakh raspadaushcheisia imperii: "karel'skii vopros" kon. XIX — nach. XX v. v geopoliticheskom kontekste* [On the Frontiers of the Disintegrating Empire: "The Karelian Question" End of the XIX — Beginning of the XX Century in the Geopolitical Context]. In *Puti poznaniia istorii Rossii: novye podkhody i interpretatsii: [Materialy mezhd. konf., 13–15 okt. 1999 g.]* (pp. 171–187). Moscow. [In Russian].

Titkov, E. P. (2007). *Patriarkh Sergy (Stragorodsky): podvig sluzheniia Tserkvi i Rodine* [Patriarch Sergius (Stragorodsky): a Feat of Service to the Church and the Motherland]. Arzamas : AGPI im. A. P. Gaidara. [In Russian].

Firsov, S. L. (2005). *Vremia v sud'be: Sviateishy Patriarkh Moskovsky i Vseia Rusi Sergy (Stragorodsky): O genezise "sergianstva" v russkoi tserkovnoi traditsii XX veka* [Time in Destiny: His Holiness Patriarch Sergius of Moscow and All Russia (Stragorodsky): On the Genesis of "Sergianism" in the Russian Church Tradition of the XX Century]. Saint Petersburg : Satis, Derzhava. [In Russian].

Firsov, S. L. (2002). Mitropolit Sergy (Stragorodsky) v otsenkakh i mneniiakh sovremennikov (k postanovke voprosa) [Metropolitan Sergius (Stragorodsky) in the Assessments and Opinions of Contemporaries (to Raise the Question)]. In *Istoriia Russkoi pravoslavnoi tserkvi v KhKh veke (1917–1933 gg.): materialy konf., g. Sentendre (Vengriia), 13–16 noiab. 2001 g.* (pp. 301–317). Munich : Obitel' prep. Iova Pochaevskogo; Petrozavodsk : GP Tip. im. P. F. Anokhina. [In Russian].

Khizhy, M., Archpriest. (2002). Razmyshleniia o tserkovnoi politike Patriarkha Sergiia (Stragorodskogo) [Reflections on the Church Policy of Patriarch Sergius (Stragorodsky)]. *Al'fa i Omega*, (3), 120–130. [In Russian].

Khodakovskaia, O. I. (2009). Delo zhizni episkopa Kipriana (Shnitnikova) (1879–1914) [The Business of the Life of Bishop Cyprian (Shnitnikov) (1879–1914)]. *Vestnik PSTGU (II): Istoriia. Istoriia Russkoi pravoslavnoi tserkvi*, (4), 26–50. [In Russian].

Kholodkovsky, V. M. (1967). *Revoliutsiia 1918 goda v Finliandii i germanskaia interventsii* [The 1918 Revolution in Finland and the German Intervention]. Moscow : Nauka. [In Russian].

Chukov, N., Archpriest. (1909). *Ocherk deiatel'nosti Pravoslavnogo Karel'skogo Bratstva sv. velikomuchenika Georgiia v Olonetskoi gubernii* [An Outline of the Activities of the Orthodox Karelian Brotherhood of St. George the Great Martyr in the Olonets Province]. Petrozavodsk : Olonets. gub. tip. [In Russian].

Iarovoi, O. A., Smirnova, I. A. (1997). *Valaamsky monastyr' i pravoslavnaia tserkov' v Finliandii: 1880–1930-e gg. (iz istorii finnizatsii pravoslavnoi konfessii)* [Valaam Monastery and the Orthodox Church in Finland: the 1880s–1930s (from the History of the Finnization of the Orthodox Denomination)]. Petrozavodsk : Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. [In Russian].

Dixon, S. (2004). Sergii (Stragorodskii) in the Russian Orthodox Diocese in Finland: Apostasy and Mixed Marriages, 1905–1917. *The Slavonic and East European Review*, (1), 50–73. [In English].

Hämynen, T. (1993). *Liikkeellä leivän tähden: Raja-Karjalan väestö ja sentoimeentulo 1880–1940* [On the Move for Bread: the Population of

Raja-Karelia and its Income 1880-1940]. Helsinki : Suomen historiallinen seura. [In Finnish].

Hämynen, T. (1995). Suomalaistajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset: kirkko- ja koulukysymys Raja-Karjalassa 1900–1923 [Suomalaistajat, russianistajat and rajakarjalaiset: Church and School Issues in Raja-Karelia 1900–1923]. Joensuu : Joensuun yliopisto. [In Finnish].

Karemaa, O. (1998). *Vihollisia, vainoojia, syopalaisia: Venalaisviha Suomessa 1917–1923* [Enemies, Persecutors, Syopans: Russian Hatred in Finland 1917–1923]. Helsinki. [In Finnish].

Kilpeläinen, H. (2000). *Valamo — karjalaisten luostari: Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmaneotien välisenä aikana* [Valamo-Karelian Monastery: The Interplay of Monastery and Society in the Interwar Period]. Helsinki : SKS. [In Finnish].

Korros, A. Sh. (1979). The Landed Nobility, the State Council and P. A. Stolypin. In *The Politics of Rural Russia. 1905–1914* (pp. 123–141). Bloomington. [In English].

Laasonen, P. (1972). Vuonna 1905 Venäjällä annnetun uskonnonvapauslain vaikutus Suomen ortodoksiessa kirkossa [Effect of the Religious Freedom Act of 1905 in the Orthodox Church of Finland]. *Ortodoksia*, (21), 106–123. [In Finnish].

Laitila, T. (2004). *Uskon luotsi: Sergei Okulov Suomen ortodoksien vaiheissa* [Pilot of Faith: Sergei Okulov in the Orthodox Stages of Finland]. Jyväskylä : Aamun koitto. [In Finnish].

Loima, J. (2001). *Muukalaisina Suomessa. Kaakkaisen Kannaksen kreikkalaiskatoliset venäläisseurakunnat kansallisena ongelmana 1889–1939* [As Strangers in Finland. Greek Orthodox Russian Churches on the Southeastern Isthmus as a National Problem 1889-1939]. Helsinki : Yliopistopaino. [In Finnish].

Loima, J. (2004). Nationalism and the Orthodox Church in Finland. In *Nationalism and Orthodoxy. Two Thematic Studies on National Ideologies and Their Interaction with the Church* (pp. 93–198). Helsinki : Helsinki University. [In English].

Merikoski, K. (1939). *Taistelua Karjalasta: piirteitä venäläistämistyöstä Raja-Karjalassa tsaarinvallan aikoina* [Struggle for Karelia: features of Russification work in Raja-Karelia during tsarist times]. Helsinki : Valistus. [In Finnish].

Purmonen, V. (1980). Piispa Kiprian ja Karjalan Veljeskunta [The Order of Bishop Kipria and Karelia]. In *Doksologia: juhlaulkaisu isä Erkki Elias Piirouille hänen täyttäessään 60 vuotta 14. 11. 1979* (pp. 117–128). Joensuu. [In Finnish].

Verner, A. M. (1990). *The Crisis of Russian Autocracy: Nicolas II and the 1905 Revolution*. Princeton : Princeton University Press. [In English].

Hosking, G. A. (1973). *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914*. New York; London : Cambridge University Press. [In English].

About the author:

Tatiana Ivanovna Shevchenko — Candidate of Theology, Candidate of Historical Sciences, a Senior Research Fellow at the Department of Modern History of the Russian Orthodox Church, Saint Tikhon's Orthodox University, 23 B, Novokuznetskaya str., Moscow, Russia, 115184, e-mail: tatyana_valaam@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 17.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.